

фантастическая
история

Василий Кононюк

Шанс? Жизнь взаимы

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Василий Владимирович Кононюк
Шанс? Жизнь взаимы
Серия «Шанс», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4957681
Шанс? Жизнь взаимы: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1291-4

Аннотация

Продолжаются приключения нашего современника, попавшего в тело юноши, живущего на границе Литовского княжества и Дикого Поля.

Пятнадцатый век, татарские набеги, ежедневная борьба за выживание, мир, в котором умение владеть луком и саблей ценится больше любых знаний. Но уж если высшие силы подарили нашему герою еще одну жизнь, взятую взаимы, то прожить ее, прячась и не высываясь, у него не получится. Все или ничего. До исторической битвы, в которой можно попытаться сломать ход истории, остались считанные годы. Нужно успеть...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2,	26
Глава 3,	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Василий Кононюк

Шанс? Жизнь взаимы

Пролог

Скучная, мерзлая дорога мерно ложилась под копыта наших коней, убаюкивая и упорядочивая мысли.

Два месяца не прошло с того дня, как в результате экспериментов, проводимых в одном закрытом питерском институте, в лаборатории экспериментальной психиатрии, моя душа строго научно перенеслась в параллельный мир, в четырнадцатый век, который вскоре плавно перетечет в век пятнадцатый. Естественно, перенеслась после моей смерти, ибо Владимир Васильевич вполне успешно и счастливо жил в двадцать первом веке. Вот именно: жил да был. Пока не дожид до смертельного диагноза, да еще в последней стадии...

И очутилось мое сознание в теле четырнадцатилетнего парня вместе с больным сознанием самого Богданчика, до сей секунды обладавшего этим телом совершенно суверенно и независимо... Но что получилось, то получилось: пребываем в состоянии, которое любой психиатр опишет как состояние острой шизофрении (мне скоро исполнится пятнадцать: это опять Богдан напоминает о себе). Такая вот странная игра цифр. Только знахарка Мотря знает эту нашу с Богданом тайну. Даже родители Богдана могут лишь догадываться... Не догадываются.

Ну, начали мы, как это водится, жить-поживать да добра наживать. Вот, собственно, это нажитое непосильным разбоем добро и едем теперь продавать куда подальше – до Киева, матери городов русских, – вместе с казаками, моими боевыми товарищами. Решили аж в Чернигов заехать, чтобы лишних вопросов к нашей добыче не появилось, а то мало ли... Да и прикупить всего разного нужно немало, чтоб прожить эту зиму так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые... месяцы. Ибо отпустила нам судьба этих месяцев не так уж много.

Если я правильно все помню из истории, проиграют через девять лет (если считать с точностью – то через восемь лет и семь месяцев) местные вояки, собранные под стягом князя Витовта, битву под Ворсклой, и будет то, что было в Одессе, а вернее – при Батые, лет сто пятьдесят назад. Правильно. Сожгут татары все Правобережье, лишь в глухих белорусских лесах – пардон, ныне они литовские – сохранятся осколки разумной жизни, которые вновь начнут заселять выжженную пустыню. Мне это совсем не по душе. Правильно, Богданчик?

Но раз уж все так случилось и оказалась здесь моя неприкаянная, то кто сказал, что и дальше все должно быть так, как написано в истории? Даже если кто и сказал, то мы с ним крепко поспорим. Мне бы еще до самого Витовта добраться...

Итак, поначалу – в Киев.

Глава 1

О том, как никто не хотел умирать, но искусство требует жертв

Наше путешествие в Киев под предводительством Ивана Товстого благополучно завершилось на второй день. В понедельник вечером, когда уже стемнело, мы добрались до корчмы под Киевом, в которой мне уже давно хотелось побывать. Еще когда Иван на круге про поход с Загулей рассказывал, запомнилась мне та корчма, потом девки, которых мы у черкасских казаков отбили, про корчму под Киевом в своих рассказах упоминали. Обсуждая с казаками, что делать с корчмарем, решили пока присмотреться, а на обратной дороге решить его судьбу – в зависимости от того, как он себя поведет с Иваном. У таких людей память профессиональная, о том, что полтора месяца назад Иван у него жил и с кем приехал в компании, корчмарь обязан вспомнить. А раз вспомнит, то в разговоре с ним Иван попробует затронуть эту тему – мол, пока девками не интересуемся, но вот весной очень даже нужны будут. И какую ты нам помощь, корчмарь, оказать сможешь. А там посмотрим, что нам скажут. Вторая тема для разговора была про нанимателей. Близилось время зимних кампаний – обычно в корчмах и постоянных дворах интересующийся народ искал концы и выходы на казаков как потенциальных наемников.

Иван с Сулимом скептически отнеслись к высказанным идеям: постоянных дворов под Киевом хватает. Иван вдруг уточнил, что воз они у этого корчмаря наняли, а бочки пустые у другого, уже ближе к Киеву, а у которого, он так и не вспомнит, поскольку в ту корчму и не заходил, а сразу в Киев поехал по своим делам. Такая понятная поначалу ситуация запутывалась, и распутывать ее становилось некогда.

Рассиживаться в Киеве времени не было: за вторник нужно найти обоз, к которому пристать. Как рассказывали Иван и Сулим, большинство купеческих обозов отправляются из Киева в Чернигов рано утром в понедельник – так, чтобы в четверг добраться и в пятницу с утра уже место на базаре занять. Но и в другие дни купцы выезжают: не у всех же получается в понедельник выехать. Дел было много, как справиться со всеми, я себе не представлял. Мне нужно было, кроме этого, найти достаточно информированного человека, чтобы в беседе с ним проверить исторические факты и понять политическую ситуацию. Насколько я помнил, именно в одна тысяча триста девяностом году отношения между Ягайлом и Витовтом обострились вплоть до вооруженной борьбы, к которой тот в следующем году привлёк Орден. Витовт начал наступление на севере, что вынудило Ягайла в девяносто втором вступить с ним в переговоры – и в результате отдать Витовту титул Великого князя Литовского.

Кроме этого, нужно было начинать несколько информационных кампаний. Первую я условно назвал «Героический образ казака, народного мстителя». Тут особо напрягаться не надо. Нужно подкинуть ребятам, которые зарабатывают музыкой на ярмарке, пару благодарных тем, а дальше машина сама пойдет. То, что эти темы будут пользоваться популярностью, сомнения не вызывало: проверено историей. Лет через двести в этой местности все будут петь только о казаках. Первым делом сочинить с музыкантом пару песен о героической борьбе казаков с татарскими ордами – как говорится, задать тему, – а дальше дело само пойдет. Главное – вовремя новые идеи и сочинения подбрасывать.

Вторая кампания – более деликатная, назовем ее «Дискредитация образа католического священника». Тут никаких песен: анекдоты и смешные истории в стиле «Декамерона», как священники соблазняют жен и дочерей у наивных прихожан, – и ужасные истории двух типов. Первые, с примесью правды – нечто про совращение детей священниками, гаремы рабынь у папы и епископов, другие жизненные байки. Вторые – свободный полет фантазии,

чем страшнее, тем лучше: поклонение дьяволу, жертвоприношение, сатанинские мессы и другие сюжеты аналогичного содержания.

После принятия Кревской унии, положившей первые камни в объединение Польши и Литвы, бояре, принимающие католичество, становились неподсудны своему князю: их должен был судить лишь кастелянский суд. Кроме этого, за ними навечно закреплялись и освобождались от всех местных налогов данные им в кормление земли.

Фактически, с одной стороны, это было направлено на разрушение принципов вассальной присяги своему князю и ослабление роли местных князей, с другой – прямая вербовка всей элиты общества в католицизм, ну а с народом, как говорится, потом справимся. И единственное, что можно было противопоставить этому процессу, построенному на принципах шкурной выгоды, это общественное мнение, не приемлющее новой религии. Мнение, имеющее в своем арсенале фактические истории, высмеивающие и разоблачающие лицемерие провозглашаемых принципов и правил. А смех – это большая сила. Вот поэтому и хотелось заняться формированием этого мнения и снабжением его нужными историями в меру своих скромных сил и возможностей.

Ну и третья агитационная кампания, самая главная – «Жизненные истории о процветании и счастливой доле беженцев в казацкую землю». Полусказочные истории о смелых беженцах от засилья католиков и панщины и об их карьере на новых землях. Тут история моей семьи и парочка других, того же Степана, реальных людей с реальной биографией, которые можно проверить, будет изложена практически без изменений, а истории некоторых других реальных людей слегка приукрашены. В конце – купца, которому рассказывается эта байка, просят передать привет родичам и сообщить им о счастливых переселенцах, приглашающих всех родичей и знакомых последовать по их стопам. Поскольку народ любит сказки со счастливым концом и с положительным героем, думаю, купцы легко занесут эти истории в нужные нам области, начнут выспрашивать, знает ли кто о таких персонажах. А поскольку найти концы будет нетрудно, то найдутся свидетели и очевидцы. Невыдуманные истории найдут своего благодарного слушателя.

После пропагандистской кампании останется создать транспортную цепочку по эвакуации переселенцев, выкупить или открыть постоянные дворы в нужных точках. Православные священники нижнего звена часто демонстрировали силу духа и стойкость, которая и не снилась иерархам православной церкви, с безразличием взирающим на агрессию католической церкви, проводимую самыми гнусными методами. Заинтересовать их рекрутированием добровольцев в православное казацкое войско, а потом и самих рекрутировать на новые земли.

На Галичине, Волыни, землях, достаточно недавно подмятых Польшей, наступление на веру и права крестьян в самом разгаре. Но люди еще помнят старину, знают, какие порядки царят в Литовском и Московском княжествах. Поэтому, если предложить альтернативу и реальные транспортные каналы, народ должен потянуться к новой и счастливой жизни.

Конечно, люди знают поговорку «Там хорошо, где нас нет», но она никого никогда не останавливала. На такие предостережения искатели приключений не реагируют – народ осторожный останется, а самые смелые пойдут. Если от них прилетят положительные новости, то и остальным захочется. С другой стороны, земли на Галичине, Волыни уже давно густо заселены, избытка площадей там нет. Так что молодым, энергичным прямая дорога искать места попривольней.

В этом году – рекламная кампания, а на следующий год придется плотно путешествовать по приграничным с Польшей землям и создавать транспортные каналы. Наши православные бояре с польскими еще на ножах, им на унии пока наплевать, крупные столкновения на границе закончились лет пять назад, а мелкие будут продолжаться еще лет сто, если не больше. Так что никто не будет помогать ляхам искать беженцев. При правильной органи-

зации много денег это мероприятие не потребует, а людей заселять казацкие земли прибудет изрядно, заодно и разведка минимальная появится.

Обдумывая свои ближайшие действия, слушал вполуха разговор Ивана с хмурым корчмарем. Уже было понятно: это не наш клиент. С виду и по повадкам – отставной княжеский дружинник, который открыл корчму после выхода на пенсию.

– Девоч, казак, себе сам ищи, я в таких делах не советчик. Если тебе на одну ночь жениться, подскажу в Киеве двор постоялый – там тебе помогут хотелку успокоить, коль терпеть невмочь. Чтоб охочих в поход искали, того пока не слыхал. Приехали ляхи к князю нашему, о чем толкуют – того не ведаю. Где в Киеве стоят, могу подсказать, погутарите с кем-нибудь из их охраны – может, подскажут чего. А пока вот отведайте, что жонка разогрела, и не серчайте: мы сегодня гостей не ждали. Спать тоже тут будете, на лавках – в хатах не топлено, вам же лучше. С вечерей монету серебром с вас возьму, хоть с вами целый табун коней пришел, не грех и больше взять.

– Если с ляхами у нас завтра разговор выйдет, то две серебрушки от нас получишь, в обиде не будешь.

– Так я и так не в обиде: нож к горлу не суете – уже добре, ха, ха, ха.

– А что, и такое бывало?

– А ты, казак, открой корчму – если на тебя раз в месяц с ножом не полезут, я рядом открою: видно, ты место на дороге в рай нашел, ха, ха, ха.

– Ты, наверно, дядьку, сам их подуськиваешь – скучно, видать, тебе жить без меча в руках и пики доброй, – вставил я свои пять копеек.

– Ишь, глазастый какой, скучно мне... намахался, слава богу, за двоих. Одного не пойму: как живой остался. Вои – не чета мне – спят давно, а я вот топчу пока рясу... А ты чего две сабли за спину нацепил – неужто с двух рук биться можешь? Тебе еще пять лет со щитом упражняться надо, пока вторую саблю в руки брать.

– Ты, дядьку, о чем не ведаешь, по себе не суди. С двух рук биться либо сразу учат, либо не учат совсем. Переучивать того, кто со щитом годы простоял, никто не возьмется.

– Языком ты горазд махать, спору нет, а может, мне, старику, покажешь, как руками машешь?

– Выбачай¹, дядьку, не сейчас. Дорога дальняя, а даже палкой покалечиться можно. Вот будем назад ехать – тогда помашем с тобой палками, готовь монеты. Я без монет не бьюсь.

– Ха, посмотрим, кто из нас без монет останется. Но осторожный ты больно, казачок, так что и на казака не похож. Ну да ладно, лучину сами потушите, спите спокойно.

Оставив меня размышлять над мучительным вопросом, похож он на того, кому Господь рекомендовал много раз прощать, или, может, нужно было сразу в ухо дать за такие слова, старый солдат ушел наверх по скрипучей лестнице. Решив, что быстрее засну, если отвечу, что похож, успокоенный, улегся на свою лавку.

На следующий день, оставив коней и поклажу в корчме, мы дружной пятеркой пешим строем отправились в Киев. Как объясняли опытные товарищи, пеший на воротах не платит, а поскольку торга сегодня доброго на базаре нет, то и смысла монетами разбрасываться тоже нет. На воротах недовольные охранники начали зубоскалить над нашей экономностью, тем более что Иван вырядил нас всех для солидности в полный доспех и со стороны мы были похожи на терминаторов.

Как обычно, больше всех досталось мне, а поскольку грубить охранникам на воротах чревато, то приходилось отшучиваться и брать на «слабо». В результате, договорившись, что после пересменки готов принять кулачный бой с каждым из них по очереди, мы наконец-то попали за крепостную стену. Там Иван и Сулим, рассудив здраво, что со мной надо не на

¹ Извиняй (укр.).

работу ехать наниматься, а объявлять войну Польше, решительно отправили меня с Дмитрием на базар договариваться с подходящим купцом, а сами с Давидом пошли искать постоянный двор с приезжими поляками.

Поскольку Киев того времени уже был не столицей могучего государства, а пограничным городом, выглядел он соответственно, напоминая провинциальный медвежий угол с пятью-шестью тысячами населения, у которого на базарную площадь выходят практически все дороги. По сравнению со своим расцветом, о котором напоминали руины укреплений, построенных при Ярославе Мудром, лишь правильными геометрическими размерами отличающиеся от обычных земляных холмов, город значительно ужался в размерах. Жизнь городка сосредоточилась вокруг Лавры на Печерах и на Подоле, среди многочисленных ремесленников и купцов. Одноэтажные деревянные постройки, бедность, с одной стороны, и первые следы восстановления, как то: новый земляной вал и частокол, сооруженный уже при Владимире Ольгердовиче, нынешнем удельном князе, – с другой, наглядно демонстрировали, что еще тридцати лет не прошло, как Киев был освобожден от ордынского гнета.

На Андреевскую гору нам идти было нечего, да и нарваться на неприятности можно, так что княжий гостинец нам обозреть не удалось. Попав на базарную площадь, первым делом потащил Дмитра к скучающему бандуристу, которого никто не слушал по причине практического отсутствия на рынке покупателей. Живописав бандуристу жизненный подвиг Керима и убедив его с помощью монет, что наша с ним задача рассказать об этом потомкам, взялись сочинять думу.

Поскольку моя голова была полна всевозможных поэтических заготовок типа «То не темна хмара насувает, то татарская Орда налетает», «То не яшень долу похылывся, то молодой казак зажурывся», поэтическую часть думы мы с Богданом взяли на себя. Объяснив ему принципы поэтического творчества, привел в пример пару песен про казаков, которые приблизительно помнил. Богдан с радостью занялся новым для себя делом и легко выдал почти готовый текст за каких-то пятнадцать минут. Малыш обещал стать выдающимся сочинителем, слова складывались у него в рифмованные строки очень просто и естественно, тем более что народ к рифмам был не капризен, с удовольствием слушая под музыку и белые стихи. Музыка в те времена разнообразием не блистала, так что сочинение нового хита было в скором времени завершено, и мы с Дмитрием проводили контрольные слушанья.

Я позволил себе только слегка изменить концовку, придав ей более жизнеутверждающий характер. В конце песни главный герой, казак Керим Вывыноги, наступив на одну ногу своего кровника, вторую потянул в сторону, попытавшись таким способом разделить его на две равные половины. Эта попытка окончилась относительной неудачей – двух равных половинок не вышло, а в руках у казака осталась оторванная нога супостата. Несмотря на то что лирический герой не смог добиться симметрии в финальном рисунке песни, было понятно, что это произведение найдет благодарного слушателя, а наш творческий труд будет по достоинству оценен.

Двинулись дальше по базару. Мне пришлось волочить за собой потрясенного Дмитра, оказавшегося рядом с таинством творения. На неподготовленных людей это всегда действует оглушающе. Громкие крики участников процесса тут совершенно ни при чем. Глушит совсем другое – например, когда кто-то в порыве творчества, размахивая руками, заедет неподготовленному зрителю локтем в нос, как это получилось у меня с Дмитрием.

Окрыленные первой удачей на ниве творческого труда, мы смело направились к купцам, расспрашивая, не собираются ли они в Чернигов. Отрицательный ответ нас несколько не смущал – я тут же принимался рассказывать им одну из заготовленных баек. Если купец в своих маршрутах посещает Волынь и Галичину, значит, шла байка про кого-то из нашего села, как пример удачливых переселенцев в казацкие земли, с убедительной просьбой передать привет родственникам или знакомым при очередном посещении этих мест. Если нет,

то, в зависимости от характера купца, выдавал ему либо смешную и пикантную историю про католического священника, либо угрюмую и страшную.

Попутно мы нашли пару обозов, отправляющихся с утра в Чернигов. Выяснив у очередного купца условия найма, шли дальше. Предложения у всех были одинаковы, выработаны годами. За этот переход платилось по две серебряшки на брата плюс харчи за счет нанимателя. Но нам был интересен сам процесс общения, поэтому мы продолжали расспросы.

Увлечшись творческим трудом, начал задумываться: а не сосредоточиться ли мне целиком на идеологической работе, раз это у меня так хорошо получается? Но жизнь в очередной раз подтвердила, что любое ноу-хау без силового сопровождения – не более чем пустое место. Любую деятельность, даже такую безобидную, как рассказ анекдотов, нужно защищать и доказывать свое право этим заниматься.

Какой-то новоявленный пан, из бывших бояр, переметнувшийся в католичество, шел по базару со своими двумя гайдуками. Привлеченный громким смехом и моим звучным голосом, начал прислушиваться к рассказу, а потом решил вступить за честь своей новой веры и ее священнослужителей.

– Как ты смеешь, лайдаку², такое рассказывать! – услышал одновременно с чувствительным тычком в плечи.

Поскольку меня многократно предупреждали, что за поединок с применением заточенной стали в черте Киева легко остаться без головы, а за мордобой в неустановленном месте получить батоги, пришлось ограничиться словесной дуэлью. Первым делом обратился к слушавшим меня купцам:

– Добрые люди, а пойдите гукните стражу, вон она с того конца базара, скажите: бьют православных в Киеве, в стольном граде земли нашей, шляхтичи новоиспеченные. Считают, что закон не для них писан.

Народ ответил одобрительным гулом, теснее смыкая кольцо вокруг шляхтича и его гайдуков.

– А ты чего лезешь, пан, куда тебя не просят? – продолжил свою наступательную тактику, обращаясь к новому персонажу. – Стоят люди, балы точат, тебя не трогают, к себе не зовут. Ничего, сейчас виру князю заплатишь за то, что бучу поднял, тогда угомонишься. А встречу тебя за стенами – тут держись, целым не уйдешь, и гайдуки твои тебе не помогут.

– Я тебя на шматки порубаю, шмаркач!

– Так, может, не будем ждать стражу, а пойдем за ворота – там и поговорим рядком, никто нам мешать не будет?

– А пойдем!

Оставив купцам для стражи пару медяков на пиво, чтобы не догоняла и не интересовалась особо, что тут приключилось, мы дружной пятеркой двинулись к воротам.

Три на два расклад не ахти, Дмитро откровенно мандражировал – ведь тупому ясно: без свидетелей ни о каком честном поединке речи быть не может. Один из гайдуков вызывал явное опасение: лет тридцати пяти от роду, легкостью движений он напоминал Ивана. Вместе с тем открытое лицо и пара неодобрительных взглядов, которые он бросил на своего пана во время нашего диспута, невольно располагали к себе. Я никак не мог придумать, как решить это противоречие.

Пан был фигурой представительный, по объемам напоминавший Василия Кривоштанку, моего давнишнего соперника в кулачном поединке. Доспех у пана был не хуже нашего, на польский манер: глухая кираса защищала грудь и спину, под ней кольчуга, наручи и прочие железяки в положенных местах. Его гайдуки тоже шли не голые и не босые – кожаный доспех с нашитыми бляхами и шлем на голове был у каждого. Так что, если трезво оце-

² Мерзавец, бездельник (укр.).

нивать наши силы, никаких шансов в рубке у нас не было. Недаром Дмитро шел как в воду опущенный, проклинал, видно, тот день, когда со мной связался.

Но как правильно говорил капитан одного судна, «еще не вечер», да и маменька моя новая научила меня одной мудрости – помню, дрожь меня от ее науки взяла: «Всегда помни: любого легко убить, если подобрался близко».

Как только мы вышли из ворот, вклинился по правую руку от шляхтича, между ним и его старшим гайдуком. Дмитро с младшим гайдуком, неприятным типом, который щелью между передними зубами и вытянутыми вперед скулами лица напоминал большую крысу, вставшую на задние лапы, пристроились во второй шеренге.

Еще когда мы выбирались из города раздельно, шепнул Дмитру, что по моей команде нужно будет сразу бить того, кто рядом, кулаком в горло. Командой будет, когда громко скажу слово «кабан».

Дорога шла по совершенно открытой, очищенной от деревьев и кустарника местности. Невдалеке виднелся лес: возле Киева лесов много. Навскидку от стен до нужного нам всем леска по прямой было чуть больше километра. Пока мы шли, старался заболтать противника, агитируя его бросить свою скучную жизнь и вступать к нам, в казаки.

– Ну что нам делить с тобой, пан? Ты погорячился, я погорячился, а святую римскую церковь у нас все уважают, так что не держи обиды, пан, а лучше вступай в казаки. Вот где жизнь! Вот где воля! Ты подумай сам, ну сколько ты с бедных селян возьмешь? А мы за прошлый год по двадцать пять золотых монет на брата добыли!

Эту мысль, со всевозможными вариациями и подробным описанием награбленного, повторял вновь и вновь, аж самому надоело. Пан угрюмо молчал и не хотел идти на мировую, но мои разглагольствования его полностью расслабили, он вообще перестал обращать на меня внимание. С его точки зрения, все было понятно: главное – дойти до леса, порубить нагледцов и обождать. Одни доспехи были знатной добычей, а разговоры про немалое количество золота, которое можно ожидать в наших поясах, придавали его круглому и лоснящемуся лицу довольное и мечтательное выражение. Гайдук – наоборот, чем больше я трещал, тем озабоченнее становился, с неудовольствием поглядывая на расслабленного хозяина и плотнее прижимаясь ко мне, контролируя мою правую руку.

С точки зрения человека, привыкшего, что руку перед ударом нужно вооружить острым железным предметом, он все делал правильно, но это делало и его, и мечтательного пана совершенно не готовыми к атаке голыми руками, которую они подсознательно игнорировали. Во-первых, кулаками бьются только холопы, во-вторых, ну посадишь ты кулаком синяк под глазом, на окончательный диагноз это не повлияет, и ставить его будут совершенно другими инструментами. Так стоит ли обращать внимание на разные мелочи, ведь их так много вокруг нас?

Дорога тем временем начала заворачивать за невысокий пологий горбок, который даже не закрывал крепостных стен, но скрыл нас от глаз стражи на воротах.

– Смотрите, кабан! – громко воскликнул я, прерывая свое монотонное бурчание, вытянув вперед обе руки, указывая на недалекий лес.

Все невольно перевели взгляд в указанном направлении. Стремительно разводя руки в разные стороны, врезал ребрами ладоней по открытым шеям стоящих рядом соперников.

Можно было проводить удар и снизу, но гайдук был настороже и на любое движение руки среагировал бы как на угрозу. А так внимание отвлек, безоружные руки продемонстрировал, а на последующее движение правильно среагировать невозможно. Максимум – неподготовленный человек попытается откинуться назад, если успеет среагировать, еще больше открывая шею и не успевая уйти от руки. Это безусловный рефлекс. Условный – на удар противника не отклоняться, а наклонить вперед голову, пряча подбородок и шею, подставляя под удар лоб и скулы, – тренер по боксу вырабатывал у нас целый год, специ-

ально уделяя этому упражнению внимание на тренировках и переламявая естественную для нормального человека реакцию отклонить голову и корпус назад.

Левой пану в горло удар вышел как надо, аж хрустнуло что-то под ребром ладони. Правой – не столь удачно. Гайдук не поддался на провокацию или среагировал чуть раньше и начал поворачиваться в мою сторону. Удар вышел не прямо по кадыку, а чуть косо, что, впрочем, вывело его из игры на некоторое время. Развернувшись назад, отметил, что Дмитра рано взяли в казаки. Вместо того чтобы разбираться с соперником, он, как все, таращился глазами в лес, пытаясь разглядеть там кабана. Как будто бы мы дружной компанией на охоту вышли. Лишь после того как началась схватка, он сообразил, что к чему. Когда я повернулся, он как раз умудрился обхватить Крысу сзади руками и кричал дурным голосом:

– Бей его, Богдан!

Крыса сразу сильно ломанул ему шлемом в лицо, откидывая голову назад, но это был его первый и последний успех. Его удар ногой мне в промежность я встретил опущенным кулаком левой руки, а пальцами правой, не церемонясь, сильно ударил в глаза, пока он выхватывал кинжал. От болевого шока гайдук потерял сознание и упал на землю. Дмитро был от удара шлемом в состоянии, которое мой тренер любовно называл состоянием грогги.

Теперь уже, по прошествии многих лет, когда фигура тренера перестала казаться идеалом, на который ты старался равняться, мне подумалось, что это, наверное, единственное иностранное слово, которое он знал, поэтому так его любил. Пан хрипел на земле, но помирять не собирался. На ногах оставался только опасный гайдук. На всякий случай врезал ему сзади сапогом под колено опорной ноги и сунул нож под подбородок, чтобы острота этого предмета ощущалась кожей шеи. Можно было начинать предметный разговор.

– Понравился ты мне, гайдук, не хочу тебя убивать, но тут не от меня – от тебя много зависит. Даешь мне слово, что пока чудить не будешь, – тогда пойдем в лесок дальше толковать, тут посреди дороги помешать нам могут.

– Знал я, что не прост ты, казачок, да недоглядел. Ишь, как хитро ты нас с паном ударил, даже я не знал, что так можно. Думал, ножом нас резать будешь, а ты нас голыми руками положил. Ну что ж, пойдем потолкуем, слово даю, что руки против вас пока не подыму. Ну а дальше – то уж как Бог даст. – Говорил он еще с хрипотцой, но на удивление быстро отошел от удара в шею.

– Дмитро, снимай пояса с пана и с молодого, руки им сзади скрути и на ноги ставь, а ты помогай, гайдук, не стой без дела, пояс свой мне давай, чтобы не мешал тебе.

– Так вроде до сего дня он мне особо не мешал, и слова я своего пока не рушил... – Гайдуку рвала душу идея своими руками отдать мне наточенные железяки.

– Снимай, гайдук, не журишь, сдается мне, скоро назад его получишь. А пока он тебе только мешать будет: из-за него дурные мысли в голову прийти могут.

Отобрав у гайдука пояс, подошел к пану, который продолжал хрипеть. Поскольку к нему у меня были вопросы, постарался залезть ему двумя пальцами в горло и поправить хрящи кадыка на место. Мне удалось кое-что сделать, пока пан не начал блевать и не прервал мои попытки восстановить первоначальную структуру хрящей.

– Ты, гайдук, пану помогай, а ты, Дмитро, Крысе дорогу показывай – не видит он пока, сердешный. Вон тропинка напрямик к лесу ведет, по ней и пойдем, нечего нам на дороге маячить.

Ситуация складывалась невеселая. Схватку-то мы, конечно, выиграли, что не могло не радовать, но любой суд нас укоротит на голову. А вот как не попасть на суд – тут надо было хорошо подумать, и без помощи гайдука это было несколько проблематично. Того, что некоторые товарищи стали передвигаться с трудом и с посторонней помощью, от киевских ворот уже было незаметно.

Без приключений мы добрались до леска. Гайдук усадил увечного пана под дерево, тот с трудом дышал. Видимо, из-за сломанного кадыка начинался отек горла. Если бы не моя «скорая помощь», уже бы помер, а так еще дышит. Оставалось надеяться, что мне удастся задать ему пару вопросов.

Подойдя к молодому, которого придерживал Дмитро, воткнул ему в глаз кинжал и попросил Дмитра снять одежду с трупа. Вытерши руку и кинжал о траву, пошел беседовать с гайдуком. Моя бессердечность его неприятно удивила. Он стоял напряженный, не зная, чего от меня дальше ожидать. Отведя его на другой конец поляны, широким жестом протянул ему его пояс, демонстрируя полное доверие. Затем попытался описать нашу ситуацию, как она мне видится:

– Врать тебе, гайдук, не буду. У тебя теперь две дороги. Одна – в могилу, другая – в казаки. Что ты выберешь, решай сам. В любом случае я тебя сейчас отпущу, пойдешь в корчму – надо коней и вещи ваши забирать, а потом сюда доставить. Разделим все по совести, на троих. Приведешь стражу с собой – на муку пойду, но клясться буду, что ты нас на то подбил, что поделщик ты наш, так что думай добре и не ошибись. Если решишь казаком стать, скажу, куда тебе ехать и какое слово кому сказать. Жить можешь католиком, никто слова тебе не скажет, а захочешь казаком стать – придется перекреститься. В казаки только православных берут. Думай добре, потом мне свое слово скажешь.

– А ты смелый, казачок. Не боишься мне зброю³ отдавать? Пан мой живой пока, а вдруг захочу его освободить, за дружка своего отомстить? – Он сделал шаг назад, чуть пригнулся, положил ладонь правой руки на эфес сабли, разом становясь похожим на большую хищную кошку перед прыжком.

– Помрет твой пан скоро – пытался я ему горло вправить на место, да нет толку. Скоро опухнет там все, и задуха его задушит. Ну а Крысе той, что я упокоил, серый волк дружком мог быть, и то вряд ли. Нет у тебя, гайдук, причин на меня саблю подымать. Хотя одна есть. Обидно тебе, что я тебя побил, небитый ты был до сего дня. Ну, так за одного битого двух небитых дают, так что ты мне еще одного такого, как ты, гайдука привести должен. А руку с сабли заberi, не маленький, знать должен, что вызов на поединок то означает.

Дмитро, напряженный, как струна, слыша наш разговор, уже подтянулся и стал слева и чуть сзади от меня.

– А я и хочу тебя вызвать, казачок: ты меня обманом побил – посмотрим, каков ты в честном бою!

– Тут загвоздочка одна есть. Твой пан нас тоже не на честный бой в лес вел. И ты, по его приказу, нас бы сзади рубил, про честный бой не думал. Так что ты из себя лыцаря не строй, рожей пока не вышел. И честного боя со мной ты пока не заслужил. Рубить тебя будем, если биться надумаешь, мы с Дмитром в четыре руки. А вот когда станешь казаком, то на палках завсегда со мной побиться сможешь. Тут даже разрешения атамана не надо. А расскажешь атаману, какая у тебя кручина, что не можешь жить с душевной раной и побитой мордой, – может, разрешит тебе со мной в поединке биться. Так что решай, гайдук, с нами ты иль против нас.

– Боишься, значит, со мной на бой выйти. Дружка в помощь привел. Думаешь, поможет он тебе. А что боишься, то ты правильно делаешь. Ладно, казачок, не буду тебя сегодня рубить, ты мне сегодня жизнь подарил, хоть не просил я тебя об этом, а все равно должок за мной есть. Но ничего, жизнь длинная, может, отдам должок и заслужу у тебя честный бой. А пока давай о наших делах толковать. Там, в корчме, еще двое гайдуков, пан их паковать коней и воза оставил. С ними что будем делать?

– А что за люди, что про них сказать можешь?

³ Оружие, доспехи (укр.).

– Один из них товарищ мой, вместе мы пану служили верой и правдой, да ответил нам на то пан обидой. Не хотели мы в католиков креститься, но сказал пан – или в холопы, или в католики. Поскрипели мы зубами, но что делать: куда собака – туда и хвост. Но он, паскуда, заставил и жену и детей перекрестить. – Гайдук заскрипел зубами, его лицо перекошилось. – Уже больше года как жизни нет. Домой прихожу как в чужой дом, жена не глянет – и молчит, за год слова не сказала. Сначала бил, но потом вижу, забью до смерти, детей сиротами оставляю. Второй год уже смерти ищу, но не идет ко мне старуха с косой. За товарища своего головой ручаюсь, пойдет в казаки со мной – хоть не так у него, как у меня, а тоже почернел за этот год.

– А что ж ты раньше в казаки не сбежал, герой? Целый год жену лупил и зубами скрипел, а уехать от пана смелости не хватило?

– Поглядел бы я на тебя, какой бы ты смелый был, если на тебе и жена и дети...

– Так теперь все одно придется с ними тикать. Какая разница?

– А такая! Теперь другого пути нет, значит. И думать нечего!

Порой логика людей или ее подобие, которыми они аргументируют свою инертность и страх менять теплое, сытое место, способны довести до белого каления, но от этого ничто не меняется. Вещи и события нужно принимать такими, какие они есть, а не такими, какими они могли бы быть в наших мечтах, и работать с тем, что есть, а не с тем, что ты нарисовал на кульмане. Теперь мне стала понятна его агрессивность и близкое к суициду желание броситься под сабли.

– Ладно, с товарищем твоим понятно, ну а второй кто?

– Курвый сын он! Как стал католиком, так и пнетя везде показать, что он лучше других. Слышал бы он твои байки – там бы, в Киеве, бучу с тобой устроил!

– С этим тоже все ясно. Послушает он тебя, если скажешь коней и воза к Киеву гнать?

– А как не послушает, если я скажу – пан меня наперед послал, за конями.

– А им чего за тобой ехать, бери коней да и езжай?

– Так скажу, воза надо, не рассчитали мы, товару много пан набрал, догружать надо.

– А за корчму пан уже рассчитался?

– Да, с утра еще корчмарю монет за все отсыпал.

Вроде все выглядело логично. Прикинув, что к его корчме минут десять ходу – пока выедут, пока доедут, есть полчаса в запасе, – отправил его в корчму. Дал указание, чтобы его друг, который будет править возом, не кричал и не дергался, если вдруг что увидит. Дальше принялся выпытывать у пана подробности политической жизни в этом княжестве, в этом варианте параллельной вселенной. Вначале пан начал качать права, грозить мне всяческими судами и казнями, если его немедленно не отпущу. Состояние пана стабилизировалось, умирать он не собирался – видно, хорошо ему горло починил. Пришлось вывернуть пану мизинец из сустава, а потом вправить на место. Это у меня получилось. После того как вправил палец обратно, у него перестали вылезать глаза из орбит и он перестал мычать заткнутым ртом. Вытащив кляп изо рта, в этот раз получил от него более содержательные ответы на свои вопросы.

Оказалось, события пошли здесь несколько иначе. Крестил Литву Ягайло в конце восьмидесят восьмого, а не в восьмидесят седьмом. Кревская уния тоже была заключена на год позже – в одна тысяча триста восемьдесят шестом году. Князя вроде везде были на месте те же, что и у нас. Что с Витовтом, он не знал, но знал, что тот выступил уже против Ягайла, это все обсуждали. Похода на Гродно пока не было, а в нашей истории он был в девяностом организован Ягайлом, чтобы усмирить Витовта. С другой стороны, Новый год тут весной будут отмечать, так что впереди еще целая зима. И киевский, и черниговский князя посылали свои войска под Гродно против Витовта, так что при правильной агентурной работе мы этих событий не пропустим. Из того, что пан знал о событиях на востоке, все

совпадало с моими сведениями. Тут контрольная точка – будущий год. Если Тимур начнет войну с Тохтамышем, значит, можно ориентироваться на известную мне хронологию.

В Литовском княжестве тоже все шло по старой канве, небольшие временные нестыковки на общие тенденции не влияли, значит, с небольшим временным опозданием события будут повторяться. Главное, следить за реперными точками.

Поскольку полезность пана приблизилась к нулю, быстро воткнул ему кинжал в глаз, чтобы он не успел расстроиться оттого, что его жизни лишают. Как мне показалось, он и понять ничего не успел, впрочем, как и Дмитро, который решил выразить свое неудовольствие тем, что я режу пленных без его согласия, весьма оригинальным вопросом, заданным с явной издевкой:

– Что ты все время людям в глаз нож суешь? Это тебя так святой Илья научил?

– Дмитро, если я что не так делаю, так научи меня, неразумного. Тут сейчас по дороге гайдук будет ехать, его успокоить нужно. Но так, чтоб он не крикнул, ведро крови на дорогу не вылить, чтобы он с коня на землю не упал. А потом его с конем сразу в лес увести нужно. Вот ты сейчас мне покажешь, как это сделать, а я постою и посмотрю.

– Да ты не серчай, Богдан, то я так шуткую.

– А я не шуткую – иди гайдука резать, посмотрим, что у тебя выйдет.

– Не, у тебя на земле ловчей биться выходит, не справлюсь я. Ты мне кажи, что делать, я у тебя на подхвате буду. Кабы с коня, так я б его раз-два и завалил, а с земли несподручно мне биться.

– Тогда первым делом, Дмитро, ты меня дурницы не спрашивай. Аль сам не кумекаешь, что если в глаз бить, то кровью вещи не заляпаешь, а куда с окровавленными вещами ехать: как найдут, так и повесят нас сразу на первом суку.

Так жизнерадостно шутя друг над другом, мы подошли к дороге. Поставив Дмитра в тридцати метрах от себя, дал ему следующие инструкции. Как только оба конных всадника минуют дерево, за которым я спрятался, он выходит на дорогу. Медленно идет им навстречу и смотрит, что дальше будет, а потом уходит обратно в лес на поляну раздевать пана и считать, сколько монет у того в поясе запрягано.

Особенно настаивал на том, чтобы он не считал ворон и не искал кабанов в чаще леса, а внимательно следил за всадниками и моим деревом. Для этого стал с противоположной стороны дороги, чтобы ему проще было наблюдать. Доспех и шлем оставил на поляне, был вооружен только кинжалом. Пока мы ожидали, мимо нас прокатилась пара возов и проскакало несколько всадников. Но выбранный мной участок дороги был извилист, вероятность обойтись без лишних свидетелей была высока. А там как Бог даст.

Наконец появились нужные нам люди. Впереди ехала потенциальная жертва разбойничьего нападения, сзади и с противоположной от меня стороны дороги – наш знакомый гайдук, ведущий в поводу еще двух оседланных коней, а немного отстав от них, ехал запряженный парой коней воз. Передний гайдук двигался по центру дороги, сторожко оглядывая прилегающую местность. Видимо, столь радикальное изменение планов хозяина вызвало у него подозрение.

Формально придаться ему было не к чему, а подсознательно человек чувствует, что нечисто вокруг, вот и обостряются все органы восприятия. Работать будет трудно, но выбирать не приходится – никто за нас нашей работы не сделает. Как только всадники проехали мое дерево, из лесу на дорогу вышел Дмитро, медленно направившись им навстречу.

Пока плохой гайдук рассматривал его и окрестности на предмет потенциальных угроз, я вышел на дорогу сзади них, быстро подбежал к лошади клиента, в прыжке заскочил ей на спину и тесно прижался к широкой спине гайдука. Он пытался дернуться и ударить меня шлемом в лицо, но, подставив лоб, сам ударил его кинжалом в правый глаз. Удар вышел сильным. Узкий клинок, пройдя насквозь и пробив череп, остановился, упершись в шлем.

Перехватив поводья, повернул коня в лес, на нашу поляну. Жертва проявила редкое жизнелюбие – неожиданно для всех она ожила, начала орать и пытаться вытащить кинжал из своего глаза. Такое иногда бывает, когда клинок минует жизненно важные центры. Вот тогда я понял, почему нужно носить с собой столько ножей. Выхватив нож из-за голенища сапога, сунул его гайдуку в левый глаз. Такого издевательства он пережить не смог и затих.

Вот как удачно пригодился ножик, которым старый казак мне в горло метил и чуть было не попал. По совету старших товарищей, что такое оружие удачу приносит, приспособил его на левый сапог, так как за правым у меня уже один был.

Все-таки симметрия – это большая сила. Впервые я это понял, когда теорию групп в университете изучал, а сегодня сама жизнь подтвердила этот вывод с неодолимой очевидностью. Какими причудливыми нитями вплетена математика в ткань мироздания, и какими неисповедимыми путями являет она нам себя во всей своей красе...

К сожалению, времени подумать о высоком, как всегда, не хватало. Странно, но по жизни обратил внимание на один любопытный факт. Всегда, когда тебе приходят в голову мысли о вечном, проза повседневности не дает додумать их до конца. А вот когда думаешь о какой-то ерунде, часами ничто не тревожит плавного потока твоих мыслей.

– Гайдук, а что твой товарищ делает?

– Стоит на дороге, нас ждет.

– Езжай к нему, скажи – пусть не торчит тут, как тополь на Плющихе, а едет медленно, но не в Киев, а по окружной дороге к Южным воротам. Мы его по пути догоним – там и решим, кто куда поедет и на чем. Если есть там торбы пустые или мешки у него на возу, возьми сюда, нам тоже паковать надо.

Приехав на полянку, сосчитали добычу и начали делить. Тут сразу проявились фундаментальные расхождения в понимании термина «добыча» между разными договаривающимися сторонами. Гайдук никак не хотел понимать или делал вид, что не понимает, что их оружие, кони и доспехи – это тоже наша добыча.

– Слушай, как тебя кличут, а то все «гайдук» да «гайдук», а ты уже и не гайдук получаешься.

– Ярославом мать кличет.

– Вот гляди, Ярослав, доспехи и зброя на тебе панские?

– Панские.

– А теперь твои стали – хочешь пропей, хочешь продай, – а у меня ничего от твоего пана нету. Если мы на троих делим, то и мне, и Дмитру доспех положен и зброя. Понял теперь?

– Ну, понял. А с доспехом Павла как быть?

– Твой теперь это доспех, как с Павлом решишь – так и будет. Или монетой тебе отдаст, когда заработает, или заберешь у него и доспех, и коня.

– Ну, ты, казачок, и считаешь, чисто как жид в лавке: никто ничего не поймет, но все знают, что их надурили.

– Богданом меня кличут, Ярослав. Ежели считаю не так, как бы ты хотел, так тут извини. Ты решил Павла в товарищи брать, но мы на троих делим: то, что на нем надето, нами добыто, – он к тому рук не прикладывал. А если ты добрым за мой счет хочешь быть, так не ты первый, Ярослав. У нас все добрые, пока не с их кошеля за то плачено.

После устранения гносеологических проблем дело пошло веселее. Их пара доспехов с оружием пошла против трех, что с убитых сняли, панский за два комплекта пошел, ну да он того стоил. Их пара лошадей – за четверку оставшихся, лишние седла поменяли на возы, монеты разделили, треть отдали Ярославу.

Барахло, купленное паном, должен был оценить Павло – он с паном все покупал и в устном счете силен. Мы договорились с Ярославом, что весь товар забираем себе, выкупая дешевле на пятую часть от цены, а Ярославу его часть, после оценки товара, отдаем моне-

тами. Хоть оно нам тоже ни к селу ни к городу, но ребятам еще семьи собрать и к казакам добраться нужно, так что на том и порешили. Двадцать процентов скидки, которые выторговал у Ярослава за оптовую закупку, вполне достаточно, тем более что половина товара в пиве и вине. Товар легко реализуемый и пользующийся во все времена устойчивым спросом.

Все текущие вопросы были решены. Оттащив трупы с поляны поглубже в лес, отправил их догонять возы, а сам начал тренироваться в отсекании голов. А то что я за казак, если не могу саблей снять голову с плеч? Решил затруднить расследование того, что произошло, и опознание трупов, если на них кто в лесу случайно наткнется. С точки зрения обитателя этого времени, занимался чистой ерундой: никто над такими мелочами даже не задумывался.

Хорошо, что зрителей отправил, потому что такой позорной рубки саблей никому показывать нельзя. Теоретически мне было известно, что во время удара саблю нужно протягивать, чтобы она рубила, но теория и практика дружат только после литров пролитого пота. Засунув с таким трудом отрубленные головы в мешок, отъехал подальше, нашел глубокий овраг, вырытый ручьем, куда и покидал головы.

Выбравшись обратно на дорогу, прищпорил коня и помчался догонять своих поделщиков. Они медленно двигались рядом с возом по окружной дороге, а Ярослав растолковывал Павлу, что с ними приключилось и какой неожиданный зигзаг удачи встретился им сегодня. По мрачной физиономии Павла было видно: его душа поет, освободившись от постылого ярма панской власти и навязанного католицизма.

Времени на длительную дискуссию о том, что все нужно было делать не так, не сегодня и в другой компании, которую так любят заводить наши люди после того, как ничего изменить уже нельзя, катастрофически не было, поэтому попытался ускорить обсуждение проблемы.

– Павло, скажу тебе, как оно есть на самом деле. Либо ты садишься на коня, вместе с Ярославом берешь свою семью и едешь к казакам, либо я тебя сейчас убью – и он поедет сам, только доспех с тебя снимет, бо то его доспех. Решай быстро, времени на балачки у меня нет.

– Ты, казачок, иди жаб палкой погоняй да сто казанов каши съешь, а потом, может быть, тебе меня побить удастся!

Все, что Павло хотел, но боялся высказать Ярославу, который был для него авторитет, он решил сказать мне, будучи со мной не знакомым. В доспехе и шлеме узнать убийцу с дороги было непросто. Весело рассмеявшись такой откровенной грубости, обратился к Ярославу:

– Ярослав, у тебя времени – пока я до десяти досчитаю. Если твой товарищ не вылезет с воза и не сядет на коня, будешь с него доспех снимать.

Левой рукой тихонько вытащил из сапога ножичек, который мне сегодня так пригодился. Совсем недавно обнаружился еще один талант Богдана, в котором он не признавался: мы мастерски мечем ножи левой рукой. Случайно обнаружил. Бросил, задумавшись, нож в дерево левой рукой – а он взял и воткнулся. Бросил еще раз – результат тот же. Десять раз бросал, пока не понял, что это не случайность, а закономерность.

Ничего не мог понять. Ножей никогда не метал ни левой, ни правой. Только вспомнилось, когда на круге мне имя Шульга давали, кто-то из казаков сказал, что Богдан ножи левой рукой бросает. Добраться до его умений оказалось несложно – оно в двигательной памяти: стоило бросить нож левой рукой, как тело само вспомнило все навыки.

Попасть в лицо ножом с пяти метров не проблема, а выжить после такого попадания проблема очень большая. Но, к счастью, все решилось без ненужного кровопролития. Ярослав очень доходчиво, с использованием всех доступных ему языковых средств, убедил Павла пересесть на лошадь, которую он для него держал в поводу. Быстро выяснив у Павла, сколько стоит товар в телеге, отсчитал Ярославу положенные ему монеты.

Еще раз повторил ему, кого искать в Черкассах и на кого ссылаться, заверил его, что дальше их доставят на место без проблем. Дозоры уже смешанные должны ездить, кого-то из нашей деревни найдут, а там атаман поможет устроиться. Гайдуки поскакали забирать свои семьи и перебираться в казацкие земли, а мы с Дмитрием поехали дальше по дороге вокруг Киева к нашей корчме.

Нам ума хватило не заезжать в нее со всем этим добром, поэтому завернули в соседнюю корчму. Пристроив наш воз под навес, а новых коней в конюшню, дали пару медяков хозяину и отправили того готовить ужин, сказав, что сейчас вернемся. Сами побежали бегом к нашей корчме, несмотря на острое желание немедленно бросить что-то за ребра. Там сидели хмурые товарищи и молча пили пиво.

На наше появление они отреагировали мрачным вопросом, где нас так долго носило и кто Дмитру морду набил. Не отвечая по существу, заказали у корчмаря еды нам с Дмитрием, доложили, что несколько купцов отправляются завтра в Чернигов и согласились нас взять. Платят по две серебрушки на нос, кормят со своего котла. Завтра с утра все соберутся возле паромной переправы, будут на левый берег двигать, там и договорились встретиться. Затем осторожно поинтересовались, чего они узнали нового. Оказалось, что ничего нового они не узнали, но объяснили они это такими словами, что я узнал много нового о характерных для этого времени идиомах и сравнениях, а также об их использовании в художественном слого.

Если коротко подытожить услышанный рассказ, то получалось следующее. Отыскать нужное строение труда не составило. Весь постоянный двор был занят польской делегацией. Было их от тридцати до сорока человек. Такая свита мелкой сошке не по карману будет, так что приехала особа достаточно крупная. Вот и все, что удалось узнать. Все попытки наладить взаимоотношения с приехавшими закончились неудачей – им заявили, что в услугах наемников тут никто не нуждается, а если они будут в таковых нуждаться, то найдут способ об этом сообщить казакам. Ненавязчивый допрос персонала постоянного двора в нейтральном месте тоже ничего не прояснил. Главный пан из Кракова ни с кем ничего не обсуждал, только часто принимал и отправлял гонцов. Потратив полдня впустую, они злые вернулись в корчму.

Все это было очень подозрительно и нехарактерно для этой эпохи. Тут народ, перед тем как идти в поход, сначала полгода об этом кричит при каждом удобном случае. Потом, глядишь, или дома останется, передумает, или еще на полгода отодвинет это мероприятие.

Желание и предпринятые попытки сохранить в тайне суть переговоров говорили о внутривполитической теме, которую обсуждали высокие стороны. А поскольку в стране существовало только два полюса – Ягайло и Витовт, – данные переговоры могли иметь лишь одну цель: склонить киевского князя на сторону Ягайла, что в нашей истории имело место быть. Дружина киевская принимала участие в походе на Гродно. Намечалась перспективная тема для агентурной работы. Знания о том, что затевается, были нужны для лучшего понимания дальнейшего развития событий.

После того как народ немного выговорился под хмельные напитки, а мы с Дмитрием, под аккомпанемент их ненормативной лексики, заморили червячка, принялись и мы рассказывать о последних событиях в жанре юмористического приключенческого рассказа. Основную часть работы языком пришлось выполнять мне, Дмитро в основном поддакивал. Вниманием акцентировал на том, каких двух бойцов мы в казаки завербовали и какую хорошую добычу взяли на всю нашу компанию. А лишняя добыча карман не жмет. Но народ юмора не заметил.

– Ты мне скажи, Богдан: ты что – Ирод? Тебя что, в клетке держать, как зверя дикого, чтоб ты на людей не бросался? Ты думаешь, мне не хотелось ляхов порубить на том дворе, которые нас в спину гнали? Но я же терпел! И Сулим с Давидом зубами скрипели, но терпели! Тебя панок в спину толкнул, а ты троих зарезал, как курчат, даже не подумал – может,

миром все решить можно! А то ведь христианские души были, Богдан, – католики, а все одно в Христа веруют.

– Кому-то другому, Иван, я бы такие слова запомнил, но на тебя обиды не держу. Сейчас атаман ты мой походный: провинился – можешь мне голову срубить. Только и Дмитро не даст соврать, не хотел я бучи той. Как мог панка успокаивал. Но позарился он на доспехи наши – мы с Дмитром как хлопчики против него и его гайдуков были. Вел он нас в лесок на расправу и миром решать ничего не хотел. Я пойду сбегая в корчму, где мы добычу оставили, нам там сегодня ночевать надо, чтобы корчмарь не подумал чего, а вы Дмитра еще расспросите, как дело было. Вернусь – дальше толковать будем.

Выйдя из корчмы, быстро направился к соседу – смысла особого в этом не было, но хотелось, чтобы народ немного без меня эту ситуацию обговорил и маленько успокоился. По большому счету, Иван был прав: нужно было мне найти способ миром решить дело. Если бы не гайдук, ситуация могла быть очень непростой.

Представим себе, что заартачился гайдук, зарубили его. Что делать дальше? Даже имея после допроса кого-то из первой троицы полный расклад, как выманить оставшихся двух гайдуков с лошадьми и возом из корчмы? Значит, пришлось бы резать их прямо на месте, в корчме, вместе со всеми свидетелями. Народу сейчас много не ездит – если бы повезло, никого лишнего, кроме корчмаря и его семьи, убивать не пришлось. Обычная корчма, это чисто семейный бизнес. Потом корчму закрыть и уехать, так что выкрутиться всегда можно, но настроение было бы испорчено надолго. А если бы там дети малые? Да и князь такого бы не спустил, расследование назначил. А там выйти на нас ни ума, ни удачи не надо, только расспроси купцов внимательно...

Оставлять тех двоих гайдуков – значит, завтра на веревке болтаться. Не приедет пан в корчму – подымут крик, все вспомнят, кто и с кем за ворота пошел, какие слова при этом говорил. Оставаться стражу ждать на базаре – тоже приятного мало: пан к князю на суд потянет, начнет брехать, что на римскую церковь клеветал, так и под топор палача угодить можно. Князь киевский тоже католичество принял, паскуда.

Был только один способ решить дело миром. Когда к воротам шли, дать стрекача в другую сторону и покрыть себя позором. Даже если бы Дмитро молчал, весь бы город зубоскалил, как казаки от пана тикали. Или так до наших дошло бы, или завтра купцы над нами потешались. А от такого уже не отмоешься. Куда ни кинь, всюду клин. И в десятый раз у меня выходило, что без драки ситуация не решалась. Уж больно пану нас порубить захотелось.

Корчмарь встретил меня в зале и сразу усадил за стол.

– Что у тебя сегодня на вечерю?

– Каша с мясом, есть холодец, копченое сало, мясо, пироги с капустой, если пан хочет, жонка еще сготовит, что пан скажет. А кто панского товарища так побил, что лицо у него распухло?

– Я и побил.

– А за что паны повздорили?

– Спрашивал меня дурницы всякие, вот и получил в ухо.

– А куда паны путь держат?

– На кудыкину гору. Завтра с утра отправляемся, смотри, чтобы кони готовы были. Овса не жалея, понял?

– Понял, понял! А что, пан товар на продажу везет или для себя купил?

– Как тебя зовут, хозяин?

– Лазарем люди кличут, молодой пан.

– Слышал ли ты, Лазарь, что Спаситель наш, будучи на земле, Лазаря из мертвых воскресил?

– Знаю, знаю, панночку!

– Так вот, Лазарь, Спаситель сейчас на небесах, когда на землю следующий раз придет, никто не знает, если будешь много вопросов задавать – воскрешать тебя некому будет, так и помрешь. Понял?

– Понял, понял. Как молодой пан умно шуткует, и Святое Писание знает. Кто ж учил молодого пана?

Стало ясно: нужно возвращаться. Еще одной неожиданной добычи, которая так и просилась на ножик, и моей радости по этому поводу никто не поймет. А счастье – это когда тебя понимают. Так в одном старом добром кинофильме ответил мальчишка на вопрос: «Что такое счастье?» Прожив после этого уже много-много лет, не услышал я более точного и емкого определения, чем эта простая фраза. А чтобы самому придумать... скромнее надо быть.

– Мы с товарищем скоро вернемся, чтобы вечеря была подогрета, бо заплатим тебе такой монетой, никто у тебя ее обратно не возьмет. И ради своих детей поверь мне, Лазарь, я с тобой не шуткую.

Пока он не успел открыть рот, я выскочил из корчмы на свежий воздух и побежал обратно к товариществу. Что-то неправильное чудилось мне в этом корчмаре, его притворная лезть и угодливость скрывала безнаказанную наглость, которая иногда проблескивала в его глубоко посаженных глазах, всегда смотрящих в сторону. Так ведет себя урка, мелкая шестерка, которого прикрывает влиятельная компания. Надо еще кого-то умного и старшего на него натравить – пусть пообщается. По жизненному опыту знаю: если с первого взгляда человека хочется придушить, жди от него беды.

Зайдя в корчму и глядя на довольные рожи, понял, что придумали все же казаки гадость какую-то на мою голову.

– Ну что, братцы, решили, как меня карать? Говорите сразу, что со мной будет, не мучайте.

– Врать не буду, Богдан. Хотел я тебя сперва вместе с твоей новой добычей обратно в село отправить, но заступились за тебя казаки. Так как нам Дмитро тут поведал – таки пан бучу учинил и на мировую идти не хотел. Поэтому Сулим лучше меня придумал. Все беды у тебя от твоего языка.

– Неужто отрежете? – спросил я с ужасом в голосе.

От громкого хохота, казалось, зашатались стены корчмы, и только массивная мебель, сотворенная мастеровым народом из толстых колотых досок, искусно выровненных с помощью топора, незыблемая как мироздание, равнодушно реагировала на эти раскаты. Встреченный хозяин вбежал в зал, окинул все оценивающим взглядом и убежал обратно подслушивать – видно, казаки его из зала прогнали. Вытерев слезы, Иван продолжил:

– Надо бы было, да скучный поход выйдет без твоего языка. Но решили мы так. Или ты слово нам даешь, что до конца похода ни с кем из чужих людей словом не перекинешься, только с нами говорить можешь, когда рядом никого нет, – или езжай обратно в село.

Нашли варвары, как достать до печенок: вся моя пропагандистская кампания накрылась медным тазиком, а неграмотные в информационных войнах казаки выбивали из моих рук самое мощное оружие. Надо было что-то делать.

– Хорошо, я дам слово, если вы дадите мне слово, что будете вместо меня с чужими людьми говорить.

– Что-то я не пойму, чего ты хочешь, Богдан.

– Вот к примеру. Хочу я в Киеве в Лавру пойти, а дороги не знаю. Тогда тебе, Иван, говорю: спроси дорогу, – а ты вместо меня спрашиваешь.

– Так чего ее спрашивать – Лавру отовсюду видно.

– Это я к примеру говорю. Если купить чего на базаре захочу, скажу: Иван, поторгуйся за тот топор, – значит, будешь вместо меня торговаться; или в корчме мне отхожее место надо – значит, будешь вместо меня дорогу туда спрашивать.

– Ладно, Богдан, хочешь ты нас с уговора сбить, но не выйдет у тебя: будем вместо тебя с другими толковать, потерпим до конца похода, даем тебе слово.

– Значит, и я до конца похода с чужими больше не заговорю. В том вам слово даю.

Иван на меня подозрительно смотрел, а я мысленно улыбался: теперь вы, ребята, будете вместо меня продолжать информационную борьбу. Первым делом выпив пива, спел им думу о казаке Кериме Вывыноги. Потрясенный народ молчал, а мне пришлось тонко намекнуть – это святой Илья помог думу про Керима сочинить.

Народ вызвал меня на бис, а поскольку мозги в эту эпоху не были перегружены избытком информации, сразу начал подпевать. Третий раз мы уже исполняли ее уверенным хором.

Напоследок все спрашивали меня, какую это байку рассказывал на базаре, что так пану не сподобилось и привела в результате к его трагической кончине. Пришлось им пересказывать смешную историю про католического духовника, жившего в доме у одного пана. Так заботился он о моральном облике его домочадцев, ночей не спал, а когда пан вернулся из очередного похода, то обнаружил и жену и дочку в интересном положении. Духовник, не будь дурак, не дожидаясь благодарностей за свой неусыпный труд, вовремя сделал ноги, разыскивая новое поле для своей деятельности.

– Вот скажите – чем я тут римскую церковь обидел? Наоборот, рассказал, как ее слуги неусыпно работают с прихожанками.

– Все, Богдан, нам рассказал – больше никому, такие времена пошли, что князья могут и на голову укоротить за такие байки. Мы для князей те же тати с большой дороги – так и ищут повод с нами бучу затеять. Без повода бояться, знают: могут казаки и татар на помощь позвать, чтобы отомстить зарвавшемуся князьку. Любую свару князь против тебя решит, Богдан. Добре, что вы стражи не дожидались: от стражи одна беда.

Иван подтвердил мои сомнения в справедливости правосудия в эту эпоху. С другой стороны, чего тут странного? Назовите мне хоть один период в истории человечества, где правосудие не вызывало бы сомнения. А вот то, что вы, ребята, не удержитесь, сами мои байки – а у меня их много есть в запасе – будете в корчмах пересказывать, сомнения не вызывало. У нас, как известно, ради красного словца народ многим готов рискнуть.

– А покажи, Богдан, как ты пана с двумя гайдуками голыми руками побил. А то так, как Дмитро рассказывал, то они крепче нас троих были.

– Не буду показывать – поломаем тут все, другим разом покажу. Поздно уже, идем, Дмитро, там нас еще одна вечеря ждет.

– Какое поздно: вон еще только солнце заходит, светло на дворе.

– Иван, пусть Сулим с Давидом пиво пьют, а ты нас проводи, тут недалече наша корчма. Нужно мне, чтобы ты с хозяином потолковал. Нечисто там что-то у него. Дмитро, скажешь корчмарю, что знакомого казака встретили – пусть вечерю, пиво несет, – и молчи, потом Иван толковать будет, понял?

– Понял, чего тут не понять-то.

Войдя в корчму, после небольшой вступительной части, в которой мы еще раз поужинали и выпили пива, Иван, отозвав хозяина в сторону, умело разыгрывая подвыпившего казака, начал с ним неторопливую беседу. Мы тем временем наедались про запас, восстанавливая недополученное в этот насыщенный событиями день. Наконец Иван закончил свой длинный разговор с корчмарем, попрощался с нами и, задумавшись о чем-то, пошел к своей корчме.

Утром встали затемно. Усадив Дмитра на возы, выпустив его за ворота, тут же вместе с хозяином закрыл двор и потащил его в корчму. Там заставил паковать нам в торбу копченого

мяса, сала, хлеба и пирогов с капустой. Рассчитавшись, медленно оседлал коня, погрузил торбы на вторую лошадь, седло с которой мы вчера благоразумно сняли и уложили в телегу еще на окружной дороге. Выехав на основную дорогу, повернул в сторону Киева и легкой рысью поскакал по ней. Отъехав недалеко, развернулся и ходкой рысью полетел обратно, в сторону Черкасс. Как и предполагал, любопытный хозяин среагировал на звуки, успел выскочить из калитки, когда мы пролетали мимо его корчмы.

Параноя – тяжелое заболевание, но параноики живут дольше остальных: научно-медицинский факт. Почему-то мне не хотелось, чтобы этот корчмарь знал, куда мы поехали на самом деле. Проскакав немного, перешел на легкую рысь, затем развернулся и шагом поехал к Ивану с остальными казаками. Они, оседлав и нагрузив лошадей, выводили наш табун из ворот своей корчмы. Поскольку Дмитро был с возом и должен уже двигаться по окружной вокруг Киева, каждому из нас приходилось вести в поводу пять-шесть коней.

Догнав Дмитра на окружной дороге и погрузив на телегу лишние седла, прикрыв все потниками и попонами, мы со скоростью хорошо груженного обоза двинулись к паромной переправе. Возле переправы выстроилось уже несколько караванов возов, ожидая своей очереди. Найдя в этом бедламе ближайшего к переправе купца, одного из тех, кто хотел нас нанять, представил ему нашу команду. Иван, быстро получив подтверждение от купца об условиях сделки и порядке движения, дав нам инструкции, пошел с купцом обговаривать многочисленные подробности.

После переправы, отправив нас с Сулимом в передний дозор, Иван с Давидом и Дмитрием замкнули караван, что, как правило, было самым опасным и ответственным постом. Между Киевом и Черниговом километров сто сорок пути. В принципе, такое расстояние можно проехать обозом за два-три дня. Но мы живем не в принципе, а на Руси, у нас все не так, как в принципе, и спрашивают люди часто друг у друга: как найти тот загадочный принцип? Тот, где все работает, не ломается, а обозы в день могут проехать пятьдесят километров... Никто не знает...

Дорога была в совершенно ужасном состоянии – видно, в распутицу ее искорежили колесами, а потом так оно все и замерзло марсианским пейзажем, по которому нужно ехать груженными возами. Отовсюду слышался забористый русский мат, сопровождавший попытки преодолеть очередное препятствие.

Еще в прошлой жизни, когда был автолюбителем, мне не раз приходила в голову мысль, что самые выразительные и многоэтажные конструкции в русской речи оттачивались и росли в этажности именно на наших дорогах. И вот я получил прямое подтверждение своей гениальной, не побоюсь этого слова, догадке. Я знал, чувствовал, что без наших дорог наша речь не получила бы такого богатства и разнообразия выразительных средств, а наша литература не смогла бы взять вершины мирового лидера. С любовью смотрел на ухабы и застывшие буруны, увидев в этой дороге, серой лентой выходящей через леса, строки Сквороды, Гоголя, Толстого...

Слезы невольно затмили мой взор, скрыв неровности и изъяны, оставляя в памяти нереальный, импрессионистский рисунок лесной колеи, так богато раскрашенный эмоциями и звуками...

Вызвав Богдана следить за дорогой и контролировать окрестности на предмет неприятных неожиданностей, зарылся в самокопание, основной темой которого был вечный вопрос: как сделать лучше, чтобы не получилось хуже? Вот, к примеру, удастся мне изменить историю в этой реальности, а в результате не родится Гоголь или помрет в детстве.

Как, чем измерить, лучше эта реальность или хуже, достойно то, что вышло, такой жертвы? Ведь недаром первый постулат врача, который они успешно забывают, – «не навреди». Можно вылечить насморк разными способами. Укоротив человека на голову, ты

решишь проблему насморка радикально. Правда, вряд ли больной одобрит такое лекарство, а что он откажется его принимать самостоятельно – тут готов с любым поспорить.

Или возьмем, к примеру, Чингисхана. Завоевал ты, парень, Китай. Разберись, посмотри, что ж тебе в руки упало. Соедини преданность, неподкупность и бесстрашие монголов с изворотливостью, практичностью и трудолюбием китайцев, подумай, что можно использовать из их копилки знаний. То, что китайцы уже знали порох, известно всем, а то, что они на двести лет раньше европейцев имели суда, способные преодолевать океаны, что они плавали в Индонезию и Вьетнам, знают не все.

Счастье европейцев, что следующий император запретил дальние плавания, аргументируя это тем, что чужие знания нарушат самобытность китайского народа. Иначе бы китайцев на планете была не четверть, а три четверти, а до двадцатого столетия, думаю, все бы мы были китайцами. Остановился бы Чингисхан в Китае, породнился с китайским народом, придал бы ему импульс экспансионизма, которого Китаю всегда не хватало, – лет за двести – триста все континенты и все народы входили бы в большой Китай.

Но это всего лишь мои предположения. Да и в реальной истории что было бы, если бы не прививал Великий Хан своим потомкам такой ненависти к городам, которой они оставались верны все триста лет существования своей империи, развивай они ремесла, науку, – кто смог бы бросить им вызов?

Только собственные идеологические шоры разрушили империю, занимавшую процентов восемьдесят известного на то время пространства и создавшую социальный строй несравнимо прогрессивней, чем у соседей. Субудай, Тимур, Едигей (этот список можно продолжить) начинали с самых низов. Только благодаря личным качествам они делали карьеру, немислимую в монархическом обществе.

Но, конечно, самое смешное – это думать над этим, когда тебя могут повесить, как простого бандита, а все твои достижения – это тачка и спусковой механизм арбалета, которые научился делать Степан с дядькой Опанасом. Да и вообще, Владимир Васильевич, откуда эта эмоциональность, откуда эта экспрессия и мечтательность? Богданчик наш себе новую игрушку нашел: характер мне решил переделать – другого объяснения найти трудно.

Подкинул старому сухарю пару новых черт характера. Нет, скорее всего, у меня их нашел где-то на свалке, слегка на них нажал, чтобы вышли на первый план. И так все незаметно делает, где-то находясь за пределами сознательного восприятия, что и не замечаю ничего. А для него все происходящее с нами воспринимается как смесь кинофильма с компьютерной игрой – где-то он смотрит кино, не вмешиваясь, где-то его позовут на помощь, а где-то парень уже научился сам на педали нажимать.

Ладно, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. В конце концов, это его жизнь, просто у него игрушки другие, на уровне информационных технологий будущего. Я для него что-то типа искусственного интеллекта с огромной базой данных, он пока изучает мои возможности, нажимая на разные кнопки. А вот что дальше будет... Но пока самоконтроль и проверка желаний – это в нашей власти. Эмоциональность – не беда, беда – ее избыток.

Вернувшись к реальности, решил продолжить подрывную работу и начал рассказывать Сулиму остальные байки про католических священников и мнимые просьбы наших гречко-сеев.

– Многие меня просили, Сулим, чтобы помог я им восточку для родных передать. Подумай сам, некоторых вы у татар отбили, другие сами пришли, у всех родня где-то осталась. В Киев на базар они не ездят, монет у них нет, добычи нет – что им там делать? Вот и просили меня с купцами толковать, кто туда ездит, где они раньше жили, – чтоб рассказали про них, что живы-здоровы, живут с казаками дружно, все у них есть – дом, скотина, земли, сколько обработать сможешь, – чтобы до родни восточка дошла. Раз у меня рот зашит, вы теперь с

купцами толковать будете. А чтобы ты не забывал, я тебе напоминать буду, как нового купца увижу.

– Придумал на свою голову! Надо было тебя, Богдан, домой отправлять, твою добычу бы сами продали, монеты бы тебе привезли. Сам будешь с купцом толковать – я рядом слушать буду, чтобы ты дурниц не говорил.

– Не, слово крепче булата, Сулим, не могу я теперь.

– Я с Иваном потолкую – со мной можешь сам говорить, беды не будет.

– Ну, разве что так, тогда можно, но смотри, ты с Иваном потолкуй.

– Не бойсь, казак, раз я сказал, значит, так и будет.

Кормил купец хорошо, хоть и всухомятку: оно понятно – пока светло, останавливаться недосуг. На ходу раздали холодные пироги с рыбой, с мясом, с капустой. Середа – постный день, но по-дорожному можно отступить от предписаний, каждый сам решал, чем питаться. Напиток дали типа разведенного водой меда, но голодным никто себя не чувствовал. Так и ехали. Мерная езда убаюкивала, но передний дозор – дело ответственное, все мои чувства добросовестно проверяли прилегающие к дороге заросли.

– А тут лихие люди часто шалят, Сулим?

– Так откуда мне-то знать, я что, тут каждый месяц еду? Иван купца спрашивал – тот говорит, бывает, пропадают люди на этой дороге, но то по глупости, кто малым числом идет. На такой обоз, как наш, никто не полезет. Ведь за нами следующий обоз недалече – не успеют нас побить, как подмога подъедет, а добычу и взять не успеют.

Не вязались слова купца с той радостью, с которой он нас дополнительно в охрану нанял в последний момент. Видать, не все так гладко на этой дороге, как он щебечет.

Солнце уже повернуло на закат, когда нас стремительно обошла пятерка всадников и ходкой рысью ускакала по дороге. Выглядели они как павлины. Цветные перья колыхались на верхушках шлемов, европейского типа доспехи, как те, снятые с самоуверенного пана, что лежали на дне нашей телеги, разноцветные плащи на плечах. Красиво проскакали – как в кино про Средние века, – мне завидно стало. Сулим со злостью посмотрел им вслед и пробормотал что-то ругательное.

– Знакомых встретил, Сулим? Чем тебе те паны не приглянулись?

– Век бы не знал, не горевал бы. То ляхи поскакали, один из них нас с постоянного двора спроваживал, дерьмо псячье! Как я его тогда не зарубил, сам не знаю – так и просился, сучонок, под саблю!

– А ты не мог обознаться?

– Я его морду долго не забуду, и усы вверх задранные, да и остальные ему под стать. В наших краях таких петухов на дороге редко встретишь. Ляхи то поскакали, из тех, что в Киев к князю приехали.

– А что, впятером не страшно им, не побьют их на дороге?

– Как же их побьют на конях, в доспехе? Никто их не побьет, а побьют – жалеть не буду, туда им и дорога.

– Стрелами посечь из-за деревьев? С десяти шагов бить можно, никто не заметит.

– Тоже не каждый лучник попадет – видишь, как скачут, шагом не едут, попробуй в лицо попади; а опусти они забрала у шлемов – и стрелой не просто взять, но бронебойной возьмешь. Так где ты лучников добрых у татей лесных видел? Добрый лучник себе другой заработок ищет: кому охота с петлей на шее на гиляке висеть?

Это был реальный шанс узнать все подробности того, что затевалось, и при хорошем стечении обстоятельств добыть важную для Витовта информацию. А вот как ею распорядиться – это уже дело техники. Если правильно понимаю ситуацию, то должен готовиться поход на Гродно. Он и в нашей истории был неожиданным для Витовта, вынудившим его после поражения искать защиты у Ордена.

И фактически это единственная возможность оказать ему существенную услугу, пока он не стал Великим князем Литовским, а находится в весьма уязвимом состоянии. Недаром многие, кто на словах поддерживал его, не встали на его сторону в этом эпизоде, а выжидали, наблюдая, чья возьмет. Такая услуга дорогого стоит и запоминается надолго, чем любые достижения, которые ты начнешь оказывать Великому князю.

– А вот ты, к примеру, попадешь?

– Ты куда это ведешь, Богдан? Ты что задумал опять?

– Ты, Сулим, послушай сначала, не кричи, от разговора беды не будет, а потом решай. Смотри, сегодня среда, сегодня они в Чернигов не успеют, по дороге ночевать будут. Письмо везут аль на словах что – то без разницы. Завтра к вечеру приедут, отдыхать день будут и ответа ждать, коням тоже роздых нужен. В субботу или в воскресенье обратно поедут, ответ повезут, тут мы их прямо на дороге в лесу и встретим, стрелами посечем, главного тупой стрелой приглушим, спрос учиним – и на базар в город поедем торговать.

– Толку в том нет: в субботу мы еще с обозом в дороге будем, не будешь их у всех на глазах бить. Добычу такую не продашь, приметная больно, на базаре углядит кто – сразу на суку окажешься. Нет, Богдан, дурная то думка у тебя.

– Поедем дальше, Сулим, найдем обоз в Елец или в другой город – что, городов мало на Руси? Была бы добыча, а продать всегда можно. А как побить – придумаем, три дня впереди, за три дня и не такое придумаем. Да и поспросить надо ляхов, что задумали, чего к князьям ездят, – а потом поехать к тому, кто про то знать не должен: тоже заработать можно.

– Можно, нож под ребро точно заработаешь. Не лезь, куда не просят, Богдан, паны нам платят острым железом, а не монетами.

– Думай добре, Сулим, с Иваном потолкуй. Пять ляхов нам в руки сами лезут, и нас как раз пятеро – это же знак, Сулим.

– Да там и пятерых не надо, я сам, один, двоих, а то и троих сниму, Иван – лучник хороший, Давид из лука бьет добре. Не о том речь, а о другом. Могут и в понедельник обратно выехать – мы что, в лесу под Черниговом станем, ждать их будем? И так есть что продавать, слава богу. Ненужная то выйдет буча, Богдан. Да и Иван не согласится.

– А ты с ним потолкуй, Сулим, у него тоже на ляхов зуб вырос. Дело верное, не будут их лишний день держать – в субботу обратно поедут или в воскресенье, помянешь мое слово. Ну а если и в понедельник, нам какая разница. Мы уже там будем и выследим их, никуда они не денутся. Добыча знатная уйдет – знать не будем, что ляхи затевают с князьями литовскими.

– Ты прямо змей, Богдан, недаром про тебя отец Василий говорил, что не святой Илья тебе является.

– Ты отца Василия с перепою-то не больно слушай, ему самому везде черти являются, ты с Иваном вечером потолкуй.

– Так ясное дело, что потолкую, чего вцепился как репей, только не верю я, что Иван согласится. Иван – казак осторожный. Хотя дело то плевое, глазом ляхи моргнуть не успеют, как стрелу получат. Ездят тут, как петухи по дорогах, на нас как на собак смотрят.

– Вот и я о том, Сулим, ляхов побить сам Бог велел – ездят как по своей земле, на всех, как на холопов, поглядывают.

– Буду вечером с Иваном толковать. Посмотрим, что он скажет. Пойдем глянем, что за тем горбчком.

Сулим прищпорил коня на очередной холм обозревать окрестности, а я думал, как организовать засаду: почему-то за ответ Ивана был спокоен – он ведь чего так вчера орал? Попро- буй сохрани спокойствие, когда тебя сапогами со двора выгоняют, – а тут приходит Богдан и рассказывает, что они с Дмитрием троих зарезали за то, что в плечи пихались. Тут любой взбесится от такой несправедливости.

Дорога возле Чернигова оживленная, если в субботу гонцы обратно поскачут, на встречных курсах будем двигаться, все в динамике организовывать надо. Помнится, изучал такую полезную дисциплину в курсе общей физики. Так что, спрашивается, зря мозги сушил? Пора динамике показать нам свою силу и в практических приложениях.

Глава 2, в которой наука динамика демонстрирует свою несомненную практическую значимость

Бесконечная серо-желтая, утрамбованная бесчисленными колесами и копытами дорога, вьющаяся среди первозданного леса, сводила с ума. Она, безусловно, улучшила свое качество после того, как мы отъехали от города. Обычное дело – чем меньше ездят, тем лучше дорога. Но разнообразней не стала.

Первый день пути пролетел почти незаметно – переправа, с Сулимом байки травил, обдумывал, как гонцов перехватить, обсуждал с ним детали операции, время летело. Затем, передав Ивану, что Сулим просит подъехать, занял его место. Вернувшись назад, Иван, бросаая подозрительные взгляды, отправил меня обратно к Сулиму. Причины его подозрительности стали понятны, когда Сулим рассказал мне некоторые детали:

– Ты, Богдан, не серчай, но я поведал Ивану, что сам надумал поляков побить. Как того сучонка с задертыми усами углядел, так и надумал. В плечи нас со двора выталкивал, гаде-ныш, а что при этом языком своим паршивым говорил, так я того никому не скажу. Обещал я ему, что встретимся мы с ним еще, но сам не верил, что так скоро встречу ту Господь мне подарит. Ништо, Богдан, недолго терпеть осталось: пристал Иван на эту задумку – как мы говорили, так и делаем. А то, думаю, Иван злой на тебя, что ты в походе языка своєю на привязи не держишь, – как тебя упомяну, так и откажется.

– Добре сделал, что не говорил, а мне чего серчать, за то лишней доли не положено. Да и вместе мы то задумали, так что не пекись о том.

Все вопросы были решены, до вечера занимался тем, что обматывал толстый наконец-ник тупой стрелы несколькими слоями домотканого полотна и тщательно зашивал концы, пытаясь добиться того, чтобы нигде ничего не топорщилось. Даже при стрельбе на небольшом расстоянии это может существенно отклонить стрелу от заданной траектории.

Потренировавшись вечером, уже на постоялом дворе, вдаль от любопытных глаз, как летает моя модифицированная стрела, понял, что с десяти – пятнадцати шагов не промахнусь. На том весь запас возможных дел исчерпался. Единственное, что удавалось занять, – это руки. Выбрав из нашей коллекции оружия самый мягкий лук, если такое слово можно применить к этой негнущейся деревяшке, стал его пользоваться в качестве эспандера, ну а когда не было сил сгибать лук, рубил саблями с двух рук ветки потоньше.

Голова осталась полностью незанятой – волей-неволей пришлось обдумывать два факта, тревожащих своей неправильностью и непривычностью. Первое – это совершенно легкомысленное поведение на базаре. Причем на сознание Богдана свалить вину никак не получалось. Вспоминая ситуацию в деталях, невозможно было не заметить легкой тревоги, что излучал Богдан. Но это меня не насторожило – продолжил как ни в чем не бывало громко рассказывать потешную, как тогда казалось, историю.

Рассматривая ситуацию с разных сторон, никак не мог найти причин такого своего увлеченного занятия разговорным жанром. Конечно, заниматься идеологической и рекламной работой важно и нужно, но откуда взялась эта самозабвенность, когда ты перестаешь реагировать на внешние факторы? Никогда мне не нравилось быть в центре внимания и развлекать людей потешными историями. С удовольствием принимал участие в разных поделках, но всегда в компании находился человек, который становился заводилой. Никогда это место меня не привлекало. Видя, что ключей к пониманию этой сцены не наблюдается, перешел ко второму факту, который меня тревожил не меньше.

После того как мы вышли с ныне покойным паном из Северных ворот, пошли в лесок, я, конечно, уговаривал его одуматься. И если бы, случись такое чудо, он согласился, вздохнул бы с облегчением и с удовольствием выпил с ним мировую. Но это не объясняло того равнодушия, с которым убивал пленных. Понятное дело, их необходимо было убить. Другого выхода после начала боя не было. Но почему не испытывал никаких эмоций? Как будто тренировался на манекенах в специальном зале. Приходилось бывать в таком – нашему инструктору удалось провести нас по благу несколько раз. Зацепившись за слово «манекены», начал думать: а воспринимал ли своих бывших противников как живых людей во время нашего общения? Порывшись в своем сознании, вынужден был констатировать, что нет, не воспринимал.

Поставленный вопрос поднял более широкую проблему: а как я воспринимаю окружающих людей, кто они для меня? Ненадолго задумавшись над этим, перебирая в памяти ощущения и события, все, что происходило, мои реакции, пришел к неутешительному выводу. Подсознательно все, что происходит со мной, воспринимается как спектакль, сон, игра, все ощущения пропитаны дымкой иррациональности происходящего. В этом сне ко многим персонажам уже испытываю искренние чувства, стараюсь поверить в реальность окружающего меня мира. В эти моменты ощущения практически не отличаются от испытываемых в прежней жизни. Но даже тогда между мной и этим миром существует невидимый барьер, не позволяющий слиться с ним, ощутить его всеми чувствами. И этот барьер объективен.

Перенос сознания не может быть полным, что-то безвозвратно теряется по дороге, компенсируется в новом теле через функции прежнего хозяина. Это «что-то», потерянное, находится на самом нижнем уровне, там, где сознание соединяется со спинным мозгом.

Если пользоваться терминами программирования, мое сознание существует в Богдановой голове в виде – назовем это – «программной эмуляции», соединенное с внешними устройствами (руками, ногами и т. п.) при помощи программных интерфейсов, созданных после вселения. Ведь мои интерфейсы потеряны вместе со старой оболочкой, а напрямую подключиться к Богдановым не всегда получается.

И если самые важные функции – реакция на опасность, контроль окружающей среды – работают отлично, практически напрямую взаимодействуя со спинным мозгом, то более тонкие настройки восприятия окружающей действительности, не влияющие непосредственно на безопасность, уже имеют более сложный интерфейс. Поэтому и возникает это ощущение сна.

Ведь во сне наше сознание, рисуя виртуальную реальность, создает эмуляцию себя самого, помещая себя в созданный мир в качестве действующего объекта. Точно так же оно создает программные интерфейсы, позволяющие эмуляции получать ощущения из созданной реальности и выполнять в ней какие-то действия.

Так же и боги в наших легендах, когда хотят ощутить кожей, какой же это мир они сотворили, работая шесть дней от зари до зари, создают своего аватара в этой реальности, свою эмуляцию в созданном мире – и стараются ощутить на своем лице порыв свежего ветра. Скорее всего, им так же, как и мне, не удастся уйти от ощущения, что все происходящее вокруг – это только сон...

А моя расслабленность на базаре, увлеченность идеологической работой и игнорирование самых элементарных норм безопасности объясняется тем, что именно тогда возникло ощущение чего-то реального, привычного, знакомого по прошлой жизни. Когда люди просто стоят и травят байки. Исчезло ощущение сна, нереальности происходящего, в котором жил все эти дни. Захотелось просто расслабиться, попытаться ощутить это живое, настоящее чувство сопричастности с окружением, единства с этим миром, столь редко посещающее меня.

Толчок в плечи и последующий диалог вновь погрузили меня в нереальную пьесу, заставляя играть новую роль. В этой пьесе странные персонажи играют в странную игру –

кто кого первым убьет. И все, чего мне хотелось, – это поскорее покончить с текущим актом пьесы, а в антракте вновь попытаться почувствовать реальность. Почувствовать ее спинным мозгом, а не повторять постоянно, что все это не сон, все происходит на самом деле.

К сожалению, даже того, что удалось выяснить про себя, пользуясь этой скучной дорогой и парой непонятных фактов, было достаточно, чтобы серьезно задуматься – как жить дальше. Но сразу подумать над этим не получилось. Богдан, забросив рубку лозы и лук, вырвал меня на поверхность сознания, однозначно сигнализируя, что впереди, с его точки зрения, нас ждут неприятности. Привыкнув к тому, что Богдан пока еще не ошибался, а в таком деле, как разведка, лучше три раза ошибиться, чем раз что-то проморгать, даже не пытаюсь проверить, что же смутило чувствительного юношу, сразу обратился к Сулиму:

– Стой, Сулим, глянь добре, не пойму я, не нравится мне там впереди, а что не нравится – разобрать не могу.

Сулим не стал даже вглядываться. Развернувшись к обозу, он громко закричал:

– Всем стоять, возы вплотную, зброю в руки!

В Спарте любой бы сразу признал, что Сулим – это их человек. Встревоженный купец с парой своих охранников поскакал к нам, а возницы похватили щиты и копья, лежащие рядом с каждым на телеге.

Внимательно вглядываясь в чащобу по обе стороны дороги, ничего подозрительного не замечал, поэтому решил воспользоваться проверенным методом. Вытягивая руку в направлении предполагаемой цели, освобождая сознание, давал Богдану возможность указать на потенциальную опасность. Естественно, все начали вглядываться в указанном направлении. Один из охранников купца буркнул:

– Даром крик подняли, нет там ничего.

Тронув своего коня, он попытался поскакать вперед. Сулим молча выдернул лук и пустил несколько стрел в направлении, которое всем уже указал Богдан и где мы по-прежнему ничего интересного не видели.

– Щиты! Назад! – так же многословно продолжил командовать Сулим, прикрывшись щитом и заставляя коня пятиться.

После его выстрелов лес наполнился криками и движением. Несколько стрел ударили о наши щиты, несколько пролетели рядом. Потом все затихло.

– Убежали, – удовлетворенно промолвил Сулим, тронул своего коня и поскакал вперед, а мы, с опаской прикрываясь щитами, двинулись за ним.

Разбойниками командовал кто-то неглупый. Поняв, что внезапная атака сорвалась, благоразумно отступил, а не стал лезть под стрелы и копья готовых к отпору противников.

– Чего встали? Ждете, когда обратно вернутся? Давай вперед помалу! – Сулим не на шутку разговорился после происшествия. – Иван, как проедем, найдете деревья подпиленные – и повалите.

После этого приключения, если это можно так назвать, монотонная дорога покатила дальше. Можно было додумывать недодуманные мысли. Если подытожить, вырисовывается следующая проблема. Из-за того, что мое сознание вторично в этом теле, внешние ощущения доходят до меня частично искаженными. Искраженные – не совсем удачный термин, лучше назвать их неадекватными, есть такое слово.

Подсознательно меня постоянно тянет в активные действия – по максимуму загрузить голову текущими проблемами, чтобы не думать о том, что произошло. Ощущение нереальности происходящего значительно притупляет инстинкт самосохранения – и очередное приключение тут как тут, причем степень риска практически не оценивается. Бороться со всем этим могу только контролем и проверкой эмоций на соответствие обстановке.

Настроившись на решительную борьбу со своим неадекватным поведением, решил провести жесткий контроль очередного плана, связанного с насилием и членовредительством.

Итак, по пунктам. С силовой частью столкновения с гонцами проблем быть не должно, встретимся мы недалеко от города, все должно быть для противника совершенно неожиданно. Добычу светить в Чернигове и в Киеве категорически нельзя, значит, придется поехать дальше. До Гродно путь неблизкий, ну так нам не возами ехать – судя по тому, что знаю, именно там обосновался Витовт, после того как открыто выступил против Ягайла. Если узнаем что-то важное, сам Бог велел князю показаться.

Лет через пять после того, как Тимур загонит Тохтамыша с остатками верных ему войск в Литовское княжество и всем станет ясно, что земли Золотой Орды остались без присмотра, Витовта потянет наложить лапу на это добро. И не только его. Осталось в летописях упоминание, что Скиргайло, которого посадили княжить в Киеве, в тысяча триста девяносто пятом году пошел походом на Черкасы. Чем это все закончилось, на кого он ходил, какими силами, история не зафиксировала. Факт, что Витовт его через год отравил: как-никак, основной конкурент, у которого он престол Великого князя Литовского отобрал. Так что засветиться в качестве верных друзей – задача крайне важная. Тут только одна проблема есть: после того как князю услугу оказал, живым остаться и товарищей под топор не подвести. У князей бывает весьма специфическое понятие о благодарности, особенно малознакомым особам. А с другой стороны, он ведь меня об этом не просил, сам на благодарность нарываюсь, так что нечего сетовать. Врать много придется, но это у меня, как у человека светлого будущего, особых сложностей и моральных угрызений не вызовет. Вариантов есть несколько – по дороге еще будет время выбрать оптимальный. Жизнь – она любит поставить тебя лицом к лицу с твоими выдумками, и всегда приходится за свои слова отвечать. Так что выдумывать можно, но только то, что сможешь вовремя подтвердить.

Мысли ушли куда-то далеко в сторону, но если все подытожить, то у разработанного плана была масса плюсов при одном маленьком минусе: придется пять человек убить. Но это диалектика: во всем хорошем есть что-то плохое и во всем плохом – что-то хорошее.

Если на все обращать внимание, то нужно, как поступают некоторые, завязывать рот марлей, чтобы случайно комара не вдохнуть, и веничком перед собой дорогу разметать. Что является примером величайшего лицемерия. Поскольку чтобы вырастить пищу этим лицедеям, которые веником машут, а кушают они с удовольствием, не живут божьим духом, – крестьянин при обработке почвы столько живых существ убивает, что эта боязнь наступить на муравья ничего, кроме раздражения, вызвать не может.

Есть масса людей, считающих себя безгрешными, которые с удовольствием пользуются грехами других, лицемерно наставляя их на путь истинный. Особенно раздражают те из них, кто не берет в руки оружия, великодушно предоставляя другим право защищать их жизни от бандитов и убийц. При этом такие святоши не делают особой разницы между теми, кто их защищает, и теми, кто желает их жизни лишить.

Ну а поляки для нас цель легитимная. Чем нападение на поляков отличается от нападения на татар или турок? Для меня – ничем. Их планы, касающиеся данной территории и ее народа, не прошли проверки временем. Поэтому если удастся их подправить, оборвать процесс образования Речи Посполитой, то этим мы окажем услугу польскому народу и, возможно, изменим его дальнейшую судьбу к лучшему.

Кстати, это очень характерная деталь. Заметил ее еще с курса истории. Когда нужно оправдать убийство людей, находится так много причин и светлых целей, что иногда даже удивительно, почему так мало народу покروшили. Как в нашем случае. Чтобы изменить к лучшему судьбы двух народов, тут не пять и двадцать пять нужно класть. Тут сотнями тысяч

гробить нужно. Правда, такой случай, как наш, это редкость – как правило, трупов в избытке, да и никто не обещает, что этой пятеркой дело ограничится.

Пока раздумывал над судьбами народов и ходом исторического процесса, вконец натрудил связки на руках, продолжая тренировки с холодным оружием. Тем временем наша процессия приблизилась к очередному селу, в котором было несколько постоянных дворов. Здесь мы разместились на ночь, здесь же мы достаточно выгодно продали все вино и пиво, которое нам досталось вместе с панским возом и составляло больше половины груза. В телеге осталось полтора десятка седел и другое барахло, купленное убитым шляхтичем. Цену за вино нам дали выше киевской, что понятно: доставлять сюда пиво и вино самому хозяину накладно – в любой конец два дня пути; покупать у купцов – так никто по киевским ценам не продаст, так что недаром мы с телегой возились – часть товара уже с прибытком продали.

Третий день прошел так же, как второй: бесконечная дорога, но без происшествий. Занимались мы с Богданом боевой подготовкой умеренно, с оглядкой на завтрашний день. Заночевали километрах в тридцати от Чернигова. Дальше дорога была оживленной и безопасной. На этом и строился наш план.

Еще в первый день пути, после того как все детали были согласованы, Иван договорился с купцом, что в субботу с утра мы оставляем свой воз с остатками товара в обозе. А сами, погрузив на лошадей все самое ценное из нашей добычи, все доспехи, оружие, седла, на рысях движемся в Чернигов на базар, аргументируя это тем, что у нас нет времени долго в Чернигове рассиживаться и нужно побыстрее распродаться. За это мы брали половину платы, а купец давал своего возницу на наш воз и гарантировал сохранность нашего груза. Купец был доволен тем, что сэкономил пять монет: ведь последний кусок дороги был совершенно безопасен, тем более что несколько профессионалов на конях сопровождали обоз окрестностей нас, да и каждый возница был вооружен щитом и копьем.

Оставив обоз, мы выдвинулись вперед следующим порядком. Передний дозорный, за ним, отстав метров на сто пятьдесят, но в пределах прямой видимости, второй дозорный, следом трое табунщиков, передний из них в пределах прямой видимости второго дозорного, отстав от него метров на сто пятьдесят – двести. Двое задних табунщиков вместе с табуном видят только переднего табунщика: оба дозорных скрыты от них поворотами дороги. Первый час мы двигались ходко, не останавливаясь, затем резко замедлили свое движение, передвигаясь рывками, от поворота до поворота. С одной стороны, спешить было некуда, нужно было встретить гонцов за городом, с другой – переднему дозорному важно было заметить их первым, успеть развернуться и ускакать к месту засады.

Передним дозорным ехали я или Сулим попеременно, менялись через каждые полчаса: чувства устают и могут соврать. Постоянно в напряжении прислушиваясь и приглядываясь сквозь деревья очередного поворота, ты начинаешь видеть и слышать звуки, которых ожидаешь, любое похожее событие тебе кажется тем, чего ты ждешь.

Поляки появились, когда впереди был Сулим, а мы все уже начали волноваться, что приедем на место, так и не повстречав их сегодня. В этом случае пришлось бы выслеживать их в городе, что связано с немалыми трудностями и практически не дает возможности появляться на базаре, что, безусловно, вызвало бы подозрение у местного народа.

Еще когда Сулим поднял вверх руку, прислушиваясь к звукам, наши с Богданом ощущения уже просигнализировали мне, что мы дождались обещанной нам судьбой встречи. Увидев, что Сулим машет рукой, я подал сигнал Ивану, развернул коня, прищепил его и поскакал к табуну. Иван с Давидом и Дмитрием, с луками наготове, уже бежали мне навстречу.

Завернув за поворот, к табуну, накинул поводья на ближайшую ветку, схватил самострел, уже заряженный модифицированной тупой стрелой, надел маскхалат и бросился

вслед за ними. Сулим на полном скаку тоже заходил за поворот, успев по дороге приготовить лук и несколько стрел.

Едва мы успели спрятаться за деревьями, как из-за поворота показались возвращающиеся обратно поляки. Они ехали такой же разноцветной группой и такой же неспешной рысью. Видно, разогревали коней, перед тем как увеличить скорость. Мы с Сулимом спрятались за одним деревом, поскольку первые два всадника были наши и мы должны были решить, кого из них бью я, а кого Сулим.

Улегшись на землю возле дерева, ближе к дороге, пользуясь тем, что могу стрелять лежа, прицелился, едва успел шепнуть Сулиму, что мой второй, как раздалось громкое воронье карканье. Это был условный сигнал, и мне осталось лишь нажать на спусковую планку.

Оставив самострел в кустах, выскочил на дорогу перехватывать коней, чтобы с перепугу далеко не ускакали. Перехватив передних четырех коней, подождал, пока Иван с Сулимом кинут на них пару тел и связанного «языка», и увел их в лес искать подходящее место для обстоятельного разговора. По дороге подобрал свой самострел, маскхалат и прицепил их за луку свободного седла.

– Сулим, перехватывай у меня коней и иди за Богданом. Давид, давай мне тех, что держишь, а сам с Дмитрием – осмотритесь тут, чтобы, не дай боже, ничего на земле не осталось. Потом помалу гоните табун вперед, пока полянку или просеку возле дороги не забачите. Там на роздых становитесь и нас дожидайтесь. – Отдав короткие распоряжения, Иван потянул четверку коней за собой в лес. – Дмитро, сбегай сумки пустые и мешки наготовленные мне принеси – и возвращайся к Давиду. – Видя, что Дмитро не понимает, чем ему следует заняться, Иван нашел ему задачу по силам, не стараясь объяснять прежнего поручения. Этим опытный командир отличается от молодого. Не перегружает мозги подчиненным.

Через минуту дорога опустела, из-за поворота появился наш табун лошадей, лениво, шагом продолжающий свой путь в стольный город Чернигов. На полянке мы с Сулимом быстро обыскали мертвых и живых на предмет бумаг с гербовыми печатями, затем начали сортировать добычу. Сперва раздели пленного и привязали к дереву. В один из снятых кошель ссыпали монеты и драгоценные украшения; доспехи, оружие и верхнюю одежду складывали в мешки.

Пока Иван по экспресс-методике выбивал сведения из пленного, мы продолжали нашу работу. Когда все было разложено и погружено на коней, Сулим подключился к допросу. Обнаружив в лесу неподалеку от нашей поляны поваленное с корнем дерево, перетащил покойников в яму и подошел поближе послушать, что получается у старших товарищей.

У живого гонца обнаружилось два письма от князя новгород-северского и черниговского Дмитрия-Корибута – одно польскому королю, второе князю киевскому Владимиру Ольгердовичу. Все страннее и страннее становится. Вроде помнилось мне, Дмитрий-Корибут был только князем новгород-северским, в Чернигове брат его младший сидел. Никакой самостоятельной роли не играл, полностью был под влиянием Корибута, фактически выполнял функции его наместника. Впрочем, это для нас никакого значения не имело.

О содержании и цели переговоров гонец отвечать отказывался, аргументируя это своей полной неосведомленностью. Но было заметно, что это не совсем так. Он этого особенно и не скрывал, видимо, стараясь разозлить нас, чтобы мы его поскорее прикончили. При взгляде на Ивана с Сулимом создавалось впечатление, что лях недалек от цели. Да и торчать нам тут особого смысла не было: нужно к табуну подтягиваться.

Не дай бог прицепится разъезд княжеский к Давиду с Дмитрием – мол, кто такие, что везете, – да и погонят за собой до выяснения всех обстоятельств. Два молодых парня – это не пять, тем более что в разъезде меньше пятерки воинов не будет. Человеческая природа мало поменялась на протяжении веков. Если в наше время таким поведением защитников правопорядка никого не удивишь, то что говорить о прошлых эпохах.

Видя, что скоро ребятам это занятие надоест и они тихо кончат упертого ляха, решил воспользоваться способом, который один раз уже дал положительный результат. Тут главное была неожиданность и выражение лица, которое не дало бы возможности собеседнику понять истинной цели тех вопросов и утверждений, часто взаимоисключающих друг друга, которыми начну его осыпать. С яростным выражением лица, оттолкнув Ивана и Сулима, начал кричать:

– Пустите меня к этому курвому сыну! – С размаху влепил ему левой оплеуху, так чтобы его лицо повернулось ко мне и было видно глаза. – Поход тайный готовите против светлого князя? Думаете, никто не знает, что вы на Гродно идете? Сколько ляхов в поход пойдет? Десять тысяч? Двадцать тысяч? Пятнадцать тысяч? А князя сколько выставят – три тысячи, четыре тысячи? А в поход когда идете – сразу после Рождества? До Рождества? Гарматы огненные будут? Отвечай, когда тебя спрашивают!

– Ехать пора! Что делать будем? – хмуро спросил нас Иван, молча выслушав эту галиматью. То, как мы с Сулимом татарина допрашивали в свое время, глядя в его ясные глаза, было ему известно. Думаю, и он кое-что понял по выражению лица пленного после этих вопросов. – Кончайте его да и поедem, недосуг тут дальше стоять, – выразил словами мысль, витавшую в воздухе.

С видимым облегчением Иван всадил пленному в горло кинжал, а я накинул веревочную петлю на ногу, оттащил в яму и присыпал их всех толстым слоем палой листвы. Лес был глухой, от города расстояние приличное, натоптанных тропинок не наблюдалось, и представить себе, что кто-то, кроме хищников, отыщет эту яму, было невозможно.

Вскочив на добытых коней и взяв лишних в повод, мы, выехав на дорогу, галопом понеслись догонять свой табун. Через десять минут хода мы выскочили на просеку, пересекающую дорогу, на которой стояли наши кони, а также Дмитро и Давид в окружении пятерки вооруженных всадников. По выражению их лиц было видно, что беседа особой радости им не приносит.

Двое стражников как раз пытались начать шарить по многочисленным переметным сумкам с целью выяснить их содержимое, а по возможности экспроприировать то, что плохо лежит. После того как мы подскакали и взяли стражу во внешнее кольцо, тактически их положение сразу стало проигрышным, чего опытные воины не могли не заметить. Куда ни повернись, за спиной у тебя потенциальный противник.

– Что случилось, хлопцы? Чего хотят от вас эти воины?

Последняя фраза была сказана уважительно, но по оттенку интонации можно было догадаться, что серьезно к этому слову Иван не относится. По индивидуальной подготовке князь воины существенно уступали татарам, а из казаков выживали в постоянных стычках с татарами только бойцы, обладающие отменной подготовкой. Да и доспехи наши были намного лучше. Так что никаких шансов в вооруженном противостоянии у стражников не было. А в эту эпоху, да и не только в эту, решающим фактором в удачном для тебя завершении разговора с представителями властей была отнюдь не твоя законопослушность.

– Не знаем, атаман, стояли, вас поджидали, никого не трогали, а разговор с нами ведут как с татями лесными.

– Вы сказали им, кто вы и откуда?

– Сказали, батьку. Сказали, что казаки мы, подданные князя Мамая, едем в славный город Чернигов на базар воинскую добычу продавать.

Формально землями от Черкасс до Черного моря, так же как и всем Левобережьем, вплоть до Крыма, владел могущественный прежде, а ныне уже ослабленный, но достаточно уверенно себя чувствующий татарский клан Мамаев. Формально казаки, жившие на его землях, могли считаться его подданными, чем они и пользовались. Между Литовским княже-

ством и левобережными татарами были длительные мирные отношения, которыми обе стороны дорожили и попусту друг друга старались не задевать.

– Кто старший у вас будет? Чем тебе мои казаки не сподобились? Аль не слыхал, что подданным князя нашего свободный проезд по Литовскому княжеству и торговать не возбраняется в городах и в других местах торговых?

– Так у твоих казаков на лбу не писано, кто они, служба наша такая – проверять, кто к нам едет, нет ли среди них лихих людей.

– То ты правильно толкуешь. За то, служивые, награда вам от нас за службу вашу справную. – Иван, не стесняясь присутствующих, достал из кошелья серебряную монету и вручил их начальнику. Тот с кислым видом покрутил ее в руках и засунул себе в пояс.

– За такую награду у нас не разгуляешься...

– Так за наградой дело не станет, только помощи нам место хорошее на базаре занять, чтобы мы не в самом краю тулились, как сироты безродные.

– Хорошему человеку помочь можно, сам Бог велел помогать, – неспешно, с задумчивым выражением лица начал рассуждать старший дозора, пока еще две серебряные монеты не перекевали в его пояс. – Как приедете на базар, найдете десятника охраны Данило Михайловича, скажете ему, что старший разъезда Иван Толока просил место вам справное выделить, – он вам подсобит.

– А как благодарить его, подскажи.

– За каждое место по серебряку, больше не давайте. Если все пятеро торговать будете, значит, пять серебряков готовьте.

– Спасибо, служивый, приходи завтра на базар, расторгнемся – вина попьем, как-никак воскресенье завтра. У вас в воскресенье торгуют?

– А как не торговать, у нас каждый день торгуют.

Как мне было знакомо это общение со слугами народа, и как слабо оно изменилось с течением времени. Единственное отличие – в наше время патрульно-постовая служба и подойти бы побоялась к вооруженным людям, а обирала бы безоружных холопов, которых в эпоху развитой демократии называют «граждане», но относятся к ним так же, как в эпоху разнузданного феодализма.

Переправились на пароме через Десну перед самым городом. Сразу за переправой, возле дороги, в небольшом лесочке стояли, притулившись друг к другу, несколько постоянных дворов. Иван с Дмитрием и Давидом, заехав в первый попавшийся, сняли комнату на пятерых, оставили там новую добычу и десяток новых лошадей. Затем догнали нас, пока мы гнали табун на базар.

Базар проходил на главной торговой площади города, рядом с развалинами знаменитой Пятницкой церкви. Небольшая деревянная церквушка, отстроенная на месте развалин, скорее подчеркивала, чем скрывала те разрушения, которым подвергся город сто пятьдесят лет назад и от которых он пока так и не оправился.

Черниговский княжий детинец, стоящий, как положено, на высоком холме над рекой, был обнесен высоким земляным валом и деревянным частоколом с деревянными башнями по углам. Видно было, что сооружение относительно свежее. Из каменных строений домонгольской эпохи относительно сохранившимся выглядел Спасо-Преображенский собор, построенный в двенадцатом веке Мстиславом Владимировичем Удалым, князем Тмутараканским, на территории княжеского детинца и выглядывающий своими куполами из-за частокола.

Город выглядел не намного крупнее, чем Киев, не больше десяти тысяч населения, но базар смотрелся намного бойчее, и купцов и народу толкалось очень много. Но сравнение было, безусловно, некорректно: как выглядел киевский базар в субботу, я не видел. Как и в Киеве, в ремесленных кварталах в основном были деревянные одноэтажные постройки

различного назначения, но кое-где возвышались и массивные двухэтажные срубы, выглядевшие как небоскребы в море одноэтажных строений.

Найдя среди торговых рядов Данилу Михайловича, начали объяснять ему, что мы хотим место не только в конном ряду, но и там, где торгуют оружием и доспехами. Поцокав языком и содрав с нас семь монет, он расположил нас в хороших торговых местах и торжественно пообещал, что мы будем тут стоять за эту цену, пока не расторгнемся.

Сулим с Дмитрием остались продавать лошадей с седлами и без, а мы, отобрав пятерку основных, по одной оседланной от каждого, тех, что продавать не станем, перегрузили на них все наши сумки с мешками и перешли в оружейные ряды. Там перед нами остро стал вопрос, как демонстрировать свой товар при отсутствии телег, которые торговый люд повсеместно использует в качестве торговой поверхности.

Хорошо, что моим товарищам, как опытным в торговых делах людям, этот вопрос пришел в голову еще по пути, и мы по дороге нарубили кучу жердей. Из этих жердей теперь легко, забив в землю вертикальные столбы, положив сверху горизонтальные, соорудили каркас, на который начали развешивать наш товар.

Сабли, кинжалы, боевые пояса, сагайдаки с луками и стрелами мы развешивали на сучки. В кольчуги и доспехи просовывали палки в рукава и подвязывали на двух веревках, чтобы висели, как на вешалке. Вывесив образцы товара, сложили остальное добро внутри периметра каркаса, а коней вернули под присмотр Сулима. Они с Дмитрием за это время соорудили из жердей что-то типа коновязи и уже вовсю нахваливали заинтересованному покупателю лошадей.

Коней на базаре было немного, так что появившийся товар сразу заинтересовал народ. На наше оружие тоже смотрели и щупали заинтересованно – ничего другого подержанного на базаре не было, лишь оружейники выставляли немногочисленные новые поделки. Оно и понятно – оружейники привыкли под заказ работать. От нечего делать только самое распространенное оружие куют, а доспехи, кольчуги делались, как правило, только под заказ и подгонялись под конкретную фигуру: никто дорогостоящее изделие просто так клепать не станет.

Для военных трофеев был не сезон, так что, как нынче модно говорить, в этом сегменте рынка нам конкуренции не было. А поскольку во все времена подержанная вещь стоит дешевле, чем новая, хоть может не только не уступать последней по качеству, а даже наоборот, интерес к нашей выставке был нешуточный.

В этот день заняться какими-то другими делами, кроме рекламы и демонстрации своего товара, не получилось – народ толкался до самых сумерек, но торговлей мы были довольны. Сулим с Дмитрием могли всех коней продать, но, продав около половины, слегка подняли цены, чем отпугнули покупателей; мы продали две кольчуги, все пять кожаных доспехов с металлическими пластинами, один пластинчатый доспех, но за три уже получили задаток: завтра покупатели должны были донести остальные деньги. Оружия тоже продали немало, но, увидев, что оно идет быстрее доспехов, слегка подняли на него цену, одежда и обувь особо не шла, но кое-что тоже купили, после того как мы цену скинули. Поступило оптовое предложение от одного из оружейников купить все, что продаем из оружия и доспехов, но он давал цену, которая никого не устроила. Завтра базар похуже, чем в субботу, но тоже, говорят, очень людный.

Поскольку мы целый день питались лишь пирогами, которые носили по базару, назад, на постоянный двор возвращались голодные, но довольные. В Чернигове уже чувствовалось влияние северной культуры, поскольку рядом с постоянным двором нас ждала натопленная баня. Тут у нас вышел принципиальный спор: некоторые товарищи, привыкшие мыться перед сном, хотели сперва ужинать, а я поддержал Ивана, который настаивал, что сперва баня, а потом уже можно ужинать хоть до ночи. Поскольку он был походный атаман, народ

нехотя согласился. Иван – единственный среди нас, кто бывал в русской бане. Богдану негде было, а я – кто я такой, чтобы открывать рот по этому поводу? Иван живописал процесс и обещал всем райское наслаждение. Народ недоверчиво слушал, но возражать не пытался.

Поскольку на улице уже стемнело, парились мы при масляном светильнике, с удовольствием растирая себя и товарищей суконками. Мы оказались последними из постояльцев, кто занял баню, поэтому могли напариться вволю, никто не торопил. Вениками нас хозяин выручил – запас у него имелся, – откуда у подорожных веники? Я окончательно утвердился в мысли, что первым строением, которое возведу в нашем селе, будет баня.

Потом мы долго ужинали, запивая холодным пивом горячие блюда, а в конце хором исполнили думу про Керима Вывыноги. Остальные жильцы и посетители постоялого двора требовали повторить, что мы и сделали, после того как нам выставили еще один жбан пива. Перезнакомились со всеми присутствующими, а кроме нас здесь остановилось еще трое купцов с помощниками, ну и с окрестных сел и городков народу было достаточно.

Чувствуя, что все дошли до кондиции, продолжил свою нелегкую работу, потащив за собой Сулима. Выяснив, что двое из троих купцов посещают регулярно Волюнь и Галицию, а один из них даже часто бывает на моей родине в Холмском уезде, начал просить его передать весточку родичам, в наше село. Расписал яркими красками, как удачно сложилась наша жизнь в казацких землях, и просил передать родичам и всем односельчанам приглашение переезжать к нам и бросать свою каторгу.

Второму тоже рассказал много интересных фактов из биографии беженцев с Волини, используя самые распространенные фамилии, не называя конкретных сел, а лишь их приблизительное расположение. Сами анекдоты про католических священников не рассказывал, но начал расспрашивать о том, что они слышали, не притесняют ли православных на польских территориях. Посыпались рассказы, кто что знает, – тут уже Сулим не выдержал, тихонько поведав, что он якобы слышал от какого-то купца в Киеве, и пересказал им пару моих баек про поведение католических священников, чем вызвал дружный смех слушателей. Засыпал я с чувством, что день был прожит не зря: информация медленно, но верно будет растекаться по стране.

В воскресенье после заутрени народ повалил на базар. Все это время мы провели за сортировкой и развешиванием товара – тоже штука непростая, особенно при продаже: ведь нужно было учитывать права собственности. Я вел три счета. В одном кошельке деньги за амуницию трех черкасцев, которые нужно было разделить между мной, Сулимом и Дмитрием, во втором – деньги за мои собственные товары, в третьем – за товары Сулима, которые он оставил на меня. Хорошо, хоть у Дмитра ничего своего не было.

Иван торговал нашей с ним добычей с четырех черкасцев, своими товарами и нашей новой киевской добычей на всю компанию. Одному Давиду была лафа – он продавал только свою и батину добычу, так что у него бухгалтерия была попроще. Как там ребята за лошадей будут деньги разбрасывать, я не мог себе представить, поэтому очень подозревал, что там выведем среднюю цену за коня и за седло и разделим по количеству лошадей и седел, что кому причитается. Тем более что коней особо породистых не было – два полных доспеха с оружием стоили как все наши кони.

Еще вчера мы решили, что в понедельник с утра уносим отсюда ноги от греха подальше. Расчет простой: если гонцов сильно ждали и договор был, что в субботу вечером они будут в Киеве, то в воскресенье вечером прибудет следующая партия гонцов, а в понедельник могут начаться оперативно-следственные мероприятия.

Торчать тут с их лошадьми и доспехами в мешках – это, конечно, круто, но глупо, поэтому решили двигать дальше в сторону Гродно: по расспросам, за три дня рысью мы должны были добраться. Гродно – город не больше, чем Чернигов, но богаче, на севере денег

у людей намного больше, чем на юге, поэтому и дрались там не переставая. Но это не мешало оживленной торговле по Балтийскому морю, а где торговля – там и деньги.

Первым удалось расторгнуться мне. Распродав все оружие, которое у меня было, доспехи черкасских казаков и один из своих, оставил Давиду продавать один мой оставшийся доспех и один Сулима. Сам, отпросившись у Ивана, побежал искать нашу подводу с остатками киевской добычи и решать кое-какие дела перед отъездом.

Еще в походе выяснил у купца Марьяна, которого мы сопровождали, что у него есть приятель, киевский купец, который часто ездит к казакам в Черкасы на базар. И тогда же договорился с ним, что он передаст через него кое-какие вещи на мое имя и оставит у черкасского атамана. Пересмотрев все, что осталось в панском возу из товара, решил, что это мне сгодится: часть на подарки матери и сестрам, да и другим знакомым женщинам, часть – на производственные дела. Поэтому решил внести за этот товар и воз с лошадьми монеты Ивану в соответствующий кошель, а сам поехал по базару скупать остальные необходимые вещи.

Первым делом искал крицу⁴: под Черниговом в болотах народ издавна руду добывал и крицу варил, – скупил всю, что нашел, вышло килограммов триста. На первых порах хватит, а там свою варить начнем. Чай, крицу варить ума особого не надо, только до руды добраться нужно. Заодно расспрашивал мастеров, нет ли у них учеников толковых, которые домницы строить умеют и крицу варить, чтобы к нам работать пошли, обещал и им, и мастеру хорошие деньги.

Поскольку увозил далеко, да еще денег предлагал, двоих мне предложили сразу. Первый не пришелся по душе – лицо не было отмечено печатью интеллекта, а дело-то с ним хотелось новое начать: чугун плавить. Поэтому, ничего конкретно не обещая, сказал, что весной приеду, тогда решим окончательно. Второй был парень пошустрей – тот сразу начал торговаться за монеты, за жилье и прочие блага жизни.

– погоди, Николай, давай я тебя спрошу кое-что, чтоб потом у нас с тобой свары не случилось. Расскажи, какую ты глину для плинфы выбираешь и что в нее добавляешь.

– Ишь ты, хитрый какой, все тебе расскажи, – это я никому болтать не буду.

– Ты, Николай, совсем дурак или просто придуриваешься? Или я не увижу, где ты копать будешь и как замес готовишь?

– Так то совсем другое, то я уже на место приеду.

– А какая разница тебе, что тебя сразу на работу не возьмут – иль потом со двора спровадят? Ладно, Николай, хитрый ты больно, не выйдет у нас разговора, смотри самого себя не перехитри, а глину на плинфу для домницы белую берут, а чтобы не сильно жирной была, чистого речного песка добавляют.

– погоди, казак, не торопись, языкатый он не в меру, но работник справный, лучше ты не найдешь. Да и нет у него, окромя меня, никого здесь. Сирота он, сын моей сестры покойной. У себя не оставишь, своих сынов трое, а ковалей в Чернигове в избытке, работы мало, как подрастут младшие сыны – и их отправлять в другие края придется.

– Ладно, тогда расскажи, Николай, как ты руду перед домницей готовишь?

– Дробим, сушим – и в домницу.

– А пустую породу отделить от руды не пробовали, после того как подробили?

– Возни много – в ручье промывай, потом суши, только летом и можно, проще нам все спечь, а потом отковать: быстрее выходит. Да и нет там пустой породы, просто в одном куске руды больше, в другом меньше.

– Зато угля больше тратишь – сперва пустую породу с железом спечь, потом разогреть и ковать.

⁴ Крица – болванки из не очень богатой болотной железной руды.

– Лесов много, чего угля жалеть.

– Ладно, еще одно скажи. Сколько руды кладете и сколько угля? Какой известняк в домницу кладете и сколько?

Тут Николай засмутился:

– Дядька Тимофей завсегда домницу укладывает, никого не допускает...

При этом он мне подмигнул, так чтобы дядька не видел, намекая, что давно уже подсмотрел дядькин секрет. Паренек мне понравился – была в нем независимость и искра божья, ее видно в глазах, ее не спрячешь. Нахальный был не по годам, ну так людей без недостатков не бывает, по мне, так лучше пусть нахальный, чем трусливый.

– Ишь, как бережет дядька Тимофей семейные секреты. Не беда, сами уложим, я эти секреты тоже знаю, да и без надобности нам они, мы будем с тобой по-другому варить – если получится, все у нас секреты выпрашивать будут. Пора до дела. Сколько просишь, Тимофей, чтобы ученика своего к нам на работу отпустить?

– Вольный человек племянник мой, не за монеты его учил, родичу, сыну сестры своей покойной, помогал – ни от тебя, Николай, ни от тебя, казак, ничего мне не нужно. А с Николаем сам сговаривайся. Чего не показывал Николаю, напоследок покажу, неведомо мне, какие секреты ты знаешь, казак, но был бы ты таким хитрым, как показаться хочешь, – сам бы крицу варил, а не мастера искал.

Я поклонился дядьке Тимофею:

– Спасибо тебе за все. Приезжай к нам через три зимы – покажем тебе, что мы с Николаем воздвигнем: не домницу, а домнице высоченное на восемь-девять сажен высотой.

– Ага, давай, казак, думаешь, ты один такой хитрый? Вместо крицы одно свинское железо на дно натечет – тогда будешь делать домницу о двух сажен, как все люди.

– Умен ты, дядька Тимофей, а скажи – сколько монет ты в год вырачаешь? Шестьдесят серебряков выходит?

– Сколько ни есть, все мои, а тебе какое до того дело?

– Давай так, Николай. За первый год положим тебе сорок монет. Будешь получать три серебряка в месяц и зимой и летом, а на Рождество и на Пасху еще по два сверху. Как доход какой с твоего труда пойдет, так сразу по пять серебряков в месяц получать будешь. Получится толк с задумки моей – то и по десять со временем получать станешь. Подворье тебе всем миром поставим, отработаешь. Невесту с собой вези – у нас парней много, девок мало, там не найдешь. Выезжай не позже Масленицы, пока дороги не развезло: как подсохнет – татары появятся, тогда уже до осени ждать придется. Если согласен на такой уговор, познакомлю тебя с купцом, который тебя в Киев доставит, а там к товарищу своему в обоз подсадит, что в Черкассы на базар ездит. А из Черкасс тебя уже к нам довезут, там недалече.

– Ты, казак, не гони лошадей, тут помозговать надобно, а тебе давай раз, два, бросай все и езжай.

– Ну, мозгуй, Николай, а я пока поищу мастера, что из меди мне кое-что сделать сможет. Нужен мне медный котел большой, на сотню человек готовить, но с крышкой, и трубка медная мне нужна, не знаете, кто такое у вас изготовить может?

– В следующем ряду Ивана Медника спрашивай, он мастер добрый, он тебе такое склепает из листа медного. Только торгуйся с ним, а то он любит цену заломить.

По дороге к мастеру увидел купца, который пергаментом торгует и прочими пишущими принадлежностями, купил у него тоненькую стопку пергамента и веревки специальные с круглыми дощечками, залитые воском, которыми письмо заматывать, а на дощечку печать ставить.

Сразу возник вопрос с печаткой. Найдя купцов, которые торгуют перстнями с печатками, начал рассматривать изображения. Сюжетов было много, все хищные. Не только звери, но и различные библейские сюжеты, связанные с насилием. Георгий Победоносец, бью-

щий змия копьем, дамочка с отрезанной головой в руках, ну и другие детские картинки. Поскольку, не разбираясь в геральдике, поставив такую печатку, можно сразу попасть на плаху, увидел абстрактную живопись на одном из перстней, которая мне сразу пришлась по душе своей древностью и символизмом.

На перстне был изображен языческий коловрат, известный в наше время как фашистская свастика. Поскольку мое появление в этом мире тоже было связано с вечным круговоротом элементов мироздания, мне захотелось носить этот символ на руке. Тем более что мне было точно известно о его отсутствии в княжеской геральдике – уж больно известен он был в мое время. Будь он на гербе известной личности, такую подробность обязательно бы упомянули историки. Прикинув, что хочу купить, начал яростно торговаться за крупный перстень с изображением то ли рыси, то ли леопарда.

– Я тебе по весу кольца золотыми монетами даю, ты что, не знаешь, что монеты всегда дороже золота по весу? Бери монеты, пока даю, таких перстней везде полно, в другом городе на базаре куплю.

– Не нужны мне твои византийские монеты, казак, дрянное это золото, ты мне талеры давай, у нас талеры в ходу.

– Вот когда с ляхами или тевтонами воевать будем, тогда у меня талеры в кошеле появятся, а с крымчаков пока только византийские монеты содрать можно. Не хочешь – как хочешь, но больше, чем по весу, монетами не дам. Если нет у тебя перстня за мою цену, значит, у другого найдется.

– погоди, казак, вот этот перстень хочешь? За него по весу твоими монетами возьму, но так, чтобы перевесили, согласен?

– Зачем мне твой перстень языческий? И что это на нем намалевано – то ли крест, то ли паук? Побойся Бога, носить такое на руке – меня засмеют все.

– Ну и что, скажешь, род твой древний, кольцо фамильное, сотни лет передается от отца к сыну, а глянь, какой видный перстень, где ты такой найдешь? Покупай, казак, вдова оставила продать, соседка моя, я бы дороже за него просил.

– Ладно, ставь весы – раз такое дело, возьму перстень, он вроде добре на пальце сидит.

Отвалив за печатку четыре золотые монеты, пока весы не склонились на мою сторону, пошел дальше искать Ивана Медника. Найдя вышеупомянутого мастера, попытался объяснить, чего мне от него нужно:

– Нужен мне казан медный десятиведерный, крышка, чтобы плотно к нему прилегала. Крышка не плоская должна быть, а как купол. И шишак в середине крышки, в самом верху, как кулак, но пустой внутри. И еще мне трубка медная нужна, чтобы дырка в ней была, как мой палец, аршин десять длиной, и скрутить ее нужно кольцами, два аршина трубки в одно кольцо. Так, чтобы вышло четыре кольца, а последних – два аршина прямой. Понял, о чем я толкую?

– Да чего тут не понять. Казан десятиведерный с крышкой как купол, трубы медной десять аршин.

– Сколько монет хочешь за работу такую и когда готово будет?

– Дорогой казан ты хочешь, казак, и трубы медной десять аршин, готовь двести монет за это все.

– Вот ты говоришь, Иван, что понял все, а я гляжу, что не понял.

– А чего я не понял?

– Не надо мне казан и крышку золотом сверху крыть, пусть медные остаются, а то, я погляжу, ты посчитал, что золотить мне казан будешь, – побойся Бога, не каждую церковь золотят. За двести монет доспех знатный купить можно, а тут простой казан. Посчитай без позолоты, я думаю, не больше чем восемьдесят монет насчитаешь.

– Какие восемьдесят, казак, ты знаешь, сколько медь стоит? Я что, со своего кошелья докладывать буду? Нет, самое малое – это все тебе в сто восемьдесят монет обойдется.

– Как-то ты мудрено считаешь, Иван Михайлович. Пуд меди стоит сорок монет, пуда тебе хватит и на казан, и на трубу, ну и сорок монет за работу. Это даже много: коваль за год сорок монет зарабатывает. Никак больше восьмидесяти не выходит.

– Где ты видел пуд меди по сорок монет? Привези, я у тебя куплю, – а у нас пуд меди меньше чем за пятьдесят серебряков не найдешь. Пуда мало на эту работу, два пуда нужно, ты посчитай, сколько в отход пойдет, меньше чем сто пятьдесят монет никак не выйдет.

– Ладно, уговорил. Добавлю тебе десять монет. Девяносто за все – и по рукам, а про отход ты дурачков поищи рассказывать. Какой отход с меди? Не морочь голову ни себе, ни людям, а то поеду в другой город медника искать.

– Кто тебя считать учил? Два пуда меди – уже сто монет, ну и мне за работу тридцать, вот и считай.

– Теперь слушай меня, Иван Медник. Вон видишь, купец от тебя за двадцать шагов торгует, черный с бородой, его Иосиф зовут. Вот он тебе медь по сорок монет продаст. Полтора пуда – это даже много для этой работы, итого шестьдесят и тебе сорок. Это мое последнее слово, нет – значит, другого мастера искать буду. От тебя только одно слово хочу слышать – либо да, либо нет, остальное пусть другие слушают. Скажи свое слово.

– Ну, если Йоска по сорок продаст, хоть двадцать монет на работу остается. Понравился ты мне, казак, для другого бы не взялся, – давай за сто монет.

– Когда готово будет?

– Тут удача тебе подвернулась, казак: казан у меня готовый уже есть, осталось крышку к нему изготовить и трубу, так что за две недели все готово будет.

– Опять ты все напутал, мастер. Это тебе удача подвернулась. Сколько ты этот казан продать не мог, а порезать на куски и другое что сделать – жалко было? Эх, знал бы наперед, больше девяноста монет не дал бы.

– Жадный ты, казак. Нельзя так. Знаешь ведь завет Божий: что отдал – то твое. С легким сердцем нужно монету отдавать.

– Вот-вот. Это ты себе каждый раз повторяй, когда на базар идешь. Вот тебе пятьдесят монет задатку. Через две недели найдет тебя купец Марьян из Киева, отдаст пятьдесят монет и все заберет. Чернявый он, лет сорок ему, шрам рваный на левой щеке.

– Не сумлевайся, казак, все готово будет.

– А ты мне скажи еще одно, Иван Медник. Нужен нам мастер, что медь и бронзу лить умеет. Колоколов нам не хватает на церквях. А большой колокол на месте лить нужно. Вот и ищем, кто бы сгодился к нам на работу поехать, хоть на три зимы – вылить все, что нужно, нам мастера обучить. Мы бы монет отсыпали немало за работу такую.

– Хорошие литейные мастера – это только монахи в монастырях. Лучше ты никого не найдешь.

– Поговорил бы ты, Иван Михайлович, с настоятелем. Может, отпустит кого к нам на время. Уж мы бы монастырю отдалились за доброту такую. Дело то для веры христианской нужное: негоже церкви без колоколов стоять. Да и другая работа по литью имеется. Замолви словечко, Иван Михайлович, вижу, вхож ты к ним, мы за добро добром ответим, не сумлевайся. Да и не к спеху оно. На следующую зиму мастер нам нужен, есть время собраться и все сготовить. Если что узнаешь – передай купцом весточку казаку Богдану Шульге. Так меня прозывают.

– Верно, казак. Знаю я настоятеля, часто они через меня медь и олово закупают. Но тут уж как получится, сам понимаешь, не в моей то воле. Но весточку передам, даже если не отпустит настоятель никого к тебе, чтобы ты в других местах искал.

– Спаси Бог тебя, мастер Иван, будем ждать.

Доставил купцу Марьяну свой груженный крицей и подарками воз, монеты на казан с трубкой медной, на дорогу. Объяснил, где через две недели он должен казан медный забрать и у кого, пошел обратно к ковалям, прихватив с собой лишь пергамент с завязками, который спрятал в специальный мешочек, полученный от купца. Надо быстро научиться бумагу делать, а то на этой коже не напишешься, больно дорого выходит.

– Ну, что надумал, Николай? Едешь в наши края? У нас потеплей будет, чем у вас, мерзнуть точно не будешь.

– Я бы поехал, казак, сколько можно у дядьки на плечах сидеть, да только монеты на дорогу нужны, а у меня нет.

– За то не думай. Сам поедешь или с женой?

– Сам пока. Не пустит ее никто со мной – нет у меня ничего, – да и сама не захочет. Вот приживусь на новом месте – тогда заберу.

– Послушай меня, Николай. Я, может, и моложе тебя, но таких, как ты, уже перевидал много. Никто пока невесту свою за собой забрать не смог. Как поедет домой свататься, а она давно уже замужем за другим. Поэтому скажу тебе так. Любишь девку – не слушай ее, в таких делах девка не советчик, мешок на голову – и в церковь. А потом вдвоем к купцу в обоз – и к нам езжайте. Не пропадете, мы, когда ехали пять лет назад, четверо нас уже у мамки было, все малые, а ничего, никто не пропал. Так что думай добре, парубок, а делай, как я советую. Вот тебе десять монет на дорогу – то тебе отрабатывать не надо, считай, что это мой подарок тебе на свадьбу. А вот девять монет тебе наперед, за первых три месяца весенних. На Пасху еще две монеты получишь. Как в Черкасы доедете, ищите казака Богдана Шульгу, что под рукой Иллара Крученого ходит, там вам каждый подсобит дальше добратся, аль весточку мне передаст. А если загодя весточку купцом передадите, то сам в Черкассах встречу. Пойдем, я тебе купца Марьяна покажу, он вас доведет и в Киеве пересадит. А пока скажи мне, Тимофей Иванович, только правду скажи: где мастер есть, что пилы знатные кует и точит? Нужны мне пилы лучковые, чтобы бревна на доски пилить, много нужно и самых лучших.

– И у нас мастера есть, но все хвалят пилы из Бобруйска. Есть там мастер знатный – то ли у немца учился, то ли у варяга, то мне не ведомо. Но знаю, что пилы его по всей Руси купцы возят. Вон того купца видишь, рыжий такой, мордатый? У него спроси: он часто в Бобруйск ездит.

Взяв с собой Николая, чтобы познакомить с купцом Марьяном, подошли мы к рыжему купцу.

– А сказали нам добрые люди, мил человек, что возишь ты пилы из Бобруйска и мастера знаешь, что их кует. Еду я на днях в Бобруйск, хочу пил лучковых десятков купить к себе в село, плотник наш просил. Нечем ему бревна на доски распиливать. Подскажи – где мастера того искать, сколько монет мне нужно?

– Мастера Макара Терентьевича тебе каждый покажет, когда заедешь в кузнечную слободу. Она небольшая, пять-шесть кузен стоит. На базар он в субботу выходит, если есть с чем. А монет – тут как сторгуешься, но меньше чем две монеты за полотно не выйдет. Так и рассчитывай.

– Две монеты? Да за две монеты кинжал в ножнах купить можно.

– Так не хочешь, казак, – не покупай. Вон пойдя кузнечным рядом – там тебе за две монеты и четыре лучковых пилы продадут. Только я вместо тех четырех одну Макарову пилу беру и с прибытком продаю. Было у меня их два десятка, а уже нет, даже показать тебе нечего.

– Да твой Макар, поди, богаче князя будет.

– Молодой ты еще, казачок, не держи обиды, но мелешь дурницы своим языком. Чтобы быть богаче князя, нужно сначала князем стать, а ты иль я богаче князя не будем – хоть возом серебро вози. Потому как князь когда захочет, тогда твое серебро и заберет. Понял?

- Понял. А чего Макар в таком маленьком городке сидит, не едет в Гродно, к примеру?
- А того, что в Бобруйске князя нету, казак, а в Гродно есть.
- Умен ты, купец, спаси Бог тебя за совет и за науку.
- И вам поздорову быть, красны молодцы, если что, подходите еще.

Познакомил Николая с купцом Марьяном, договорившись с ним, что отвезет Николая с женой или самого, это уже как Богу будет угодно, в Киев и пересадит на обоз в Черкассы. Хотел еще попросить его – сможет ли он для меня закупить в Киеве и отправить в Черкассы сто мешков зерна, сорок мешков ячменя, двадцать мешков овса и когда это все случится. Но прикинул нашу поездку по срокам и понял, что, скорее всего, мы приедем в Киев либо так, как и он, либо раньше него.

Пока он все продаст, пока обратно доберется, так что смысла оставлять ему монеты на зерно не было – может так случиться, что еще и ждать его буду, пока он мой воз с крицей и прочими подарками в Киев пригонит. Попрощавшись с ним и с Николаем, пошел обратно к нашему стенду торговать остатками.

Настроение было мрачное. Целый день сегодня контролировал свое поведение и реакции. Но малейшая расслабленность после того, как казалось, что все вопросы решил, – и у меня с уст срывается совершенно глупый вопрос. Причем, как ни перетряхивал свое сознание, истоков этого вопроса найти не удалось. Вырвался как черт с табакерки. Единственное внятное подозрение касалось Богдана. Это, конечно, не его вопрос – Богдан стеснялся разговаривать с малознакомыми взрослыми, а уж вопросы им задавать и подавно.

Но это его игры с моим сознанием продолжают. Надо, когда будет свободное время, попытаться пообщаться с ним по этому вопросу. Когда я бдителен, любые эмоциональные порывы и связанные с ними мысли проходят через сито контроля и отсеиваются, но малейшее послабление – и какие-то подростковые эмоции и мысли вырываются на свободу. И еще обратил внимание, девки молодые на меня глазками стреляют, но стоит им мне в глаза взглянуть – так сразу улыбаться перестают, в лице меняются, как будто страшилище какое увидали.

– Давид, а что это тебе все девки улыбаются, глазки строят, а от меня воротятся, будто черта увидали?

– Хмурый ты больно, Богдан, нелюдимый. Девки любят, чтоб ты им улыбался приветливо, слово ласковое сказал.

– Ладно, будем улыбаться.

– И смотришь ты, Богдан, словно не девка перед тобой стоит, а пустое место.

– Да понял я, понял. Буду ласково смотреть.

– Ничего ты не понял, – в сердцах промолвил Давид: у него явно что-то наболело, и он жаждал со мной этим поделиться. – Ты на всех так смотришь. Какой день мы с тобой рядом, я на тебя гляжу и вижу. Как мужик перед тобой новый появится, ты первым делом так на него глянешь, как будто мыслишь – как его прибить сподручней будет. А потом он для тебя уже пустое место. Бабы – они биться не могут, так ты сразу на них как на пустое место смотришь. Только на нас – на меня, на Ивана, Сулима – как на людей глядишь. Остальные для тебя не пойми что – и не комар, и не люд.

– Иван, чего он вцепился в меня, как клещ? Как будто я Ирод какой, каждый день дите невинное режу. Меня давеча рыло пьяное нарочно толкнул, свары искал, другой бы ему в ухо сразу дал – а я сдержался, мимо прошел. Люблю я люд, Давид, сильно люблю, как Христос нас учил. А что гляжу хмуро – так то, видно, после болезни еще не отошел.

– Ага, любишь. Так бы обнял всех и придушил.

– А вот ты мне, Богдан, правду скажи... – Видно, и у Ивана наболело, базар уже опустел, покупателей нет – давай мы Богдану устроим вырванные годы. Какое-никакое, а развлечение. – Это ж ты, а не Сулим замыслил, как ляхов бить, – не мог Сулим такого удумать.

Сулима я не первый год знаю, дозорец он знатный и лучник, таких поискать, но такого удумать он бы не мог.

– Может, мы с вами, братцы, в княжий детинец поедem речи такие вести? И чего мы тут стоим? Все уже по домам разъезжаются, и нам пора.

– За доспех полный мне задаток дали пять монет, просили обождать.

– А Сулим с Дмитрием чего стоят, к нам не едут?

– Вот пойдй у них и спроси. Мне почем знать?

Так меня два раза просить не нужно. А то взялись правду-матку вагонами валить. Ну, нелюдимый я, что ж мне теперь, в монастырь идти? Как там, в известном анекдоте: «Ну, Змей Горыныч, ну, дерьмо зеленое, зато живой!» Нет, какой-то неподходящий анекдот вспомнился. Не про меня это.

– Кого ждете, Сулим? Домой пора собираться.

– Дал мне купец какой-то две монеты задатку за двух лошадок, просил дождаться.

Богданово чувство тревоги молчало, зато мое вопило благим матом:

– Хапайте лошадей, хлопцы, и айда к Ивану, чую, беда будет.

Сулим, молча кивнув Дмитрию, вскочил на своего коня. Мы, разобрав поводья, поехали с пятью нашими и двумя оставшимися заводными к Ивану.

– Иван, грузим все, что осталось, и тикаем отсюда. Сулиму тоже две монеты залога оставили и просили дождаться – чую, побить нас за монеты надумали.

– Чего ты, Богдан, всполошился, как гусак? Кто нас побьет, люди вокруг. Дали Сулиму задаток за коней и нам дали за доспех – чего тут такого?

– Собираемся, Иван, и я беду чую – не сподобился мне сразу тот купец, глаза прятал, паскуда, – неожиданно поддержал меня Сулим.

– Я слово дал, что дождусь...

– Грузим мешки, братцы, и уносим ноги отсюда. Не одни мы монеты считать умеем. Я больше чем на шесть сотен сегодня наторговал, да и у вас монет не меньше. Пришлые мы, никто за нас не встанет. Чую, ждут уже нас по дороге в постоялый двор, но ничего, пусть ждут, долго ждать будут.

– Может, и ваша правда – уж больно он просил, чтобы я его дождался, да и с виду двух таких, как он, нужно в тот доспех паковать, и то место останется... – Иван задумался. – Как ехать будем? Можно с ходу прорываться – у нас у каждого полный доспех, стрелами не побьют, а на дорогу с копьями выйдут – тут мы их стрелами посечем и прорвемся.

– Коней жалко. Посекут стрелами тати, добывать придется. Есть прямая тропка в нашу корчму. Через поле и через лес. Видел, как с утра девка, что хозяйке помогает, по той тропке из лесу выходила. Я ее и расспросил, где ее завтра с утра в лесу поджидать и куда та тропка ведет.

– А она что?

– Рассказала, что тропинка через лес, дальше через поле и на дорогу выходит. Вот мы по ней и проедем. Я, как сегодня на базар ехали, разглядел, где она начало берет. Вот оно как бывает – кабы не девка, не знал бы про тропинку.

– Да что ты заладил – тропинка да тропка. Что тебе девка та сказала?

– Сказала, что вечером домой не идет, ночевать на постоялом дворе будет, так что там ее ловить нужно. Думаю, Иван, соглядатаи за нами следить будут, шагом поедem, как сверну на тропку – так погоняйте коней за мной что есть мочи.

– Добро, Богдан. Давайте, хлопцы, тетиву натяните, щит под руку, едем шагом, за Богданом глядим.

Выехав в поле, за город, спинным мозгом чувствовал глаза, провожавшие нас, но Иван вертеть головой запретил. Мы неспешно двигались в сторону близкого леса, где метров через триста по лесной дороге стояли рядом с паромом подряд несколько постоялых дворов.

– К тропинке подъезжаем, – негромко сказал спутникам и, повернув с дороги, прищипорил свою лошадь. Наклонил голову к самой гриве, чтобы мелькающие ветки не испортили мою, как охарактеризовал Давид, нелюдимую физиономию, смотрящую на всех как на пустое место.

Мы быстро выбрались обратно на дорогу прямо рядом с нашим постоялым двором и благополучно въехали в открытые ворота.

Народ как раз собирался после торгового дня, двое купцов уже сидели за столами. Не заноса своих мешков с товаром, которых осталось совсем немного, мы первым делом заказали ужин и пива – расслабиться после трудового дня и снять стресс. Никаких объективных данных, что на нас готовилось нападение, не было, народ начал потихоньку посмеиваться над нашими с Сулимом страхами, а мы беззлобно огрызались, смакуя кашу с мясом и квашеную капусту, пироги с мясом и с сыром. Постоялый двор наполнился гостями, громкими голосами, чавканьем, хрустом костей и бульканьем жидкости.

Когда мы окончательно расслабились и почти забыли все тревоги и подозрения, в большой столовый зал постоялого двора вошел то ли пан, то ли боярин, кто их разберет в сегодняшней Руси, в сопровождении четверых вооруженных челядников. Они уверенно направились в нашу сторону, с трудом пробираясь через полный зал, заставленный столами и лавками. Иван, глянув на них, негромко скомандовал:

– Все стали сзади меня. Надеть шлемы. Щиты на руку. Луки рядом. Я говорю. Тут бучи не поднимаем, если скажу выходить во двор – выходим. По моему слову сразу их рубим или стрелами сечем.

– Во дворе подмога у них может быть.

– И подмогу порубим, не бойсь.

Надев на головы шлемы, которые лежали рядом с нами на лавках, разобрав и зацепив на левую руку щиты, мы выстроились за спиной Ивана, который продолжал сидеть и цедить пиво из кружки. Я сразу взял в руки свой взведенный еще на базаре самострел, который притащил с собой в зал. На конюшне его не оставишь, сопрут, да и разрядить нужно. Хотел сразу во дворе разрядить, даже тупую стрелу наложил, а потом лень стало – старый кожух ищи, на ветку вешай, – перед сном, думаю, в комнате, тюфяк расстреляю. Ребята достали свои натянутые луки, с которых они так и не успели снять тетивы. Не имея численного перевеса, пробирающаяся к нам компания заметно проигрывала в вооружении и защищенности, так что в случае столкновения шансов у них не было.

– Иван, может, пану в лоб тупой стрелой дать? Челядь без него разбежится, и бучи большой не будет, – шепотом спросил.

– Как скажу громко «Богдан» – тогда бей.

Отойдя за спины Давида и Дмитра, так, чтоб меня и самострел было не особенно видно, наблюдал за приближающейся компанией.

Внимание на себя обращал только их предводитель, высокий стройный мужчина лет тридцати от роду. Смуглое лицо дышало энергией и предвкушением столкновения, одного взгляда было достаточно, чтобы понять: миром мы не разойдемся. Его можно было назвать красивым – многим женщинам понравилась бы холодность и жесткость, сквозившая в чертах его правильного лица. Только глубоко сидящие черные глаза слегка портили гармонию, придавая лицу нечто первобытное. Остальные были обычные крестьянские парни, не самых лучших душевных качеств, которых слегка натаскали работать копьем и саблей. Видно было, что большого военного опыта они еще не успели приобрести.

Подойдя к нам, они, не обращая внимания на наш боевой вид, начали разыгрывать заготовленный спектакль:

– Это они, Петро?

– Они, пане. Взяли задаток за товар и удрали.

– Ну что, попались, ворюги, думали, не найдем мы вас? Подымайтесь – и за нами пошли. Поедем к князю – завтра вас или повесят, или пятьдесят батогов всыпят. Просите, чтоб сразу повесили, меньше мучиться.

– Да ты, Богдан, не горячись, присядь, потолкуем, в ногах правды нет.

Пока пан удивленно смотрел на Ивана, перекрестившего его, я, упав на колено, вскинул самострел за спинами товарищей, стрельнул пану в лоб тупой стрелой промеж их рук. Стрела ударила в шерстяной подшлемник, прикрывающий лоб, но это не изменило результата: в глубоком нокауте пан упал на землю.

Поскольку на мою возню за спинами никто не обращал внимания, да и заметить что-либо за плечами трудно, все в зале, и панские челядники в том числе, мало что поняли. Нет, они, безусловно, знали, что это наших рук дело, но поскольку самострел мой практически бесшумен, стрела отлетела куда-то под стол, деталей никто не рассмотрел.

– Сомлел, сердешный, – трагично вымолвил Иван. – Несите его бегом на двор да водой обмойте, может, очухается, а нет – везите к знахарке, может, яйцом откатает. Совсем извелся пан ваш. А все из-за Иуды этого. Иди сюда, Петро, расскажи нам, что за навет ты на нас наговорил своему пану, что тот аж сомлел от горя? Куда пошел! Стой, тебе говорят! Держите его, люди добрые, из-за него вся буча, сейчас мы его к ответу призовем!

Петро, оставив своего пана на руках своих подельщиков, как ошпаренный выскочил во двор. За ним вышли остальные, неся на руках бесчувственного предводителя. Иван, распекая хозяина, что у него по постоялому двору тати ходят, пугают честный народ, дал нам команду. Прикрывшись щитами, с луками наготове мы высыпали во двор. Было темно, света луны и звезд было явно недостаточно, чтобы все разглядеть, но никто на нас не нападал, лишь слышались удаляющиеся голоса и топот копыт.

Армия ослов под предводительством льва, безусловно, сильна, пока лев на них рычит и командует. Стоит его убрать, как армия ослов моментально превращается в стадо тех же ослов, забыв все, чему их учили.

Собравшись, мы вскочили на коней, погрузили все добро, разобрали заводных. Прикрывшись щитами, помчались минут через пятнадцать вслед за местными рэкетирами к развилке дорог в сторону Гомеля. Засады, к счастью, не было. Видно, либо не смогли организоваться без вожака и оставить засаду на дороге, либо решили, что мы ночью не выедем и все можно будет доиграть завтра, когда поставят своего командира на ноги.

Ночью при свете луны и звезд по наезженной дороге передвигаться можно, но страшно. Поэтому, объехав город и выехав на дорогу в Гомель, мы остановились в первом же попавшемся постоялом дворе, отъехав от Чернигова не больше двух километров. Любопытному хозяину сказали, что мы гонцы из Киева, едем в Гомель. Свободная комната у него нашлась – базарные гости как раз разъехались. Поспав с комфортом, встав затемно, мы быстрой рысью двинулись подальше от Чернигова, где нас, безусловно, многие будут сильно любить и искать. Чтобы выразить нам всю глубину своих чувств.

Личность боярина местные жители опознали и успели нам рассказать много любопытного, пока мы не дали деру со старого места жительства. Нашлись в зале люди, живущие неподалеку от его имения и двух сел, которые были даны ему князем в кормление. Располагалось оно в дне езды в сторону Новгорода-Северского, километрах в тридцати от Чернигова. В дружине боярина, как мы и предполагали, было до двадцати бойцов. С двух деревень такой отряд кормить проблематично – военная добыча нужна. Видать, кто-то из его людей обратил на нас внимание, прикинул стоимость нашего товара – раз мы не купцы, монеты все при нас будут, – ну и дальше все было продумано с умом. Дать задаток, задержать на базаре дотемна, а по дороге на постоялый двор побить и обобрать. И когда мы, вместо того чтобы ехать по дороге, где нас так сильно ждали, вдруг, пренебрегши их обществом, выбрали дру-

гой путь, ребят не на шутку расстроило такое невнимание, вот и решили они нанести нам визит.

И дальше все по уму было. Пришли в корчму, начали откровенно хамить, заметно уступая нам в случае боевого столкновения. Нормально было бы вывести их на улицу и прибить без свидетелей за такие слова. А там нас уже засада поджидала. Но того, что мы пульнем их предводителю и вдохновителю в лоб тупой стрелой прямо в зале, никто не ожидал. Шлем у него удачный оказался, европейский, с откидной маской, закрывающей половину лба и лицо. Маска была откинута, а лоб прикрыт только шерстяным подшлемником.

Мы даже не сердились на боярина: мы для него были такой же легитимной целью, как для нас ляхи. Да и мало нас, чтобы сердиться и планировать ответный визит вежливости. Были задания поважней. Когда под Гомелем остановились в корчме перекусить и дать лошадям часик отдыха, от нечего делать обсуждали детали, как нас ограбить хотели. Все сошлись во мнении, что по уму все пан делал, – один я возражал. Не нужно было два задатка давать: был бы один задаток – никто бы ничего не заподозрил, и остались бы мы на базаре ждать припозднившегося клиента.

Тут классический пример того, когда «лучшее – враг хорошего», или польский вариант: «Що занадто, то нездорово». Да и лезть в зал нахрапом, когда мы по тропинке ушли, было чистой авантюрой и расчетом на агрессивных дураков – видно, привык пан с такими дело иметь. Разумней было затаиться, чтобы мы расслабились, а утром напасть, можно даже на выезде с постоялого двора. Никто из посторонних в чужую драку лезть не будет.

Разобрав в деталях свои и чужие тактические построения, мы единогласно решили, что все делали правильно, поэтому никто из нас в лоб не получил и монет не потерял. Довольные проделанной аналитической работой, продолжили свой путь в сторону Бобруйска.

Как нам объяснил хозяин корчмы, до Бобруйска от Гомеля обозом пять дневных переходов. Соответственно, в местах ночлега обозов на трассе повышенное количество постоялых дворов, а в других местах их нет совсем. Из этих соображений нам следовало планировать свои дальнейшие передвижения. До сумерек мы успели проехать три обозных дневных перехода. Можно было ехать дальше, на каждого из нас было по три лошади, но дорога лесом, в темноте, волки могут лошадей поранить, – рисковать смысла не было. Переночевав и выехав утречком, мы задолго до полудня прибыли в Бобруйск. Пока ребята в корчме заказывали обед и утоляли жажду прохладным пивом, поехал искать знаменитого мастера.

Бобруйск представлял собой, в моем понимании, небольшое село, обнесенное земляным валом и частоколом. Чем-то он напоминал Черкассы, только ландшафт другой и размерами чуть побольше. Если в Черкассах было около сотни дворов, то здесь навскидку сотни полторы. Кузнечная слобода, в которой стояло пяток кузниц, располагалась метрах в пятистах за частоколом, недалеко от речушки. Из всех кузниц валил дым, и мне сразу указали, куда мне надобно. Пришлось обождать, пока мастер не соберется домой на обед, поскольку готовые изделия, естественно, хранились дома. Дальше мы долго торговались.

– Побойся Бога, Макар Терентьевич, не лупи ты с меня последнюю шкуру. Я ведь не купец, мне твои пилы для дела нужны. А пока то дело поставлю, еще год пройти может. Где же мне монет на все взять?

– Откуда мне знать, кто ты, воин? Ко мне купцы и в дерюги одетые приходили, чтоб цену сбросил. Я так скажу: для дела три – пять пил берут, а не тридцать.

– Так ты послушай, что я сделать хочу. Хочу колесо поставить, чтоб вода его крутила, как для мельницы, а тем колесом буду бревна на доски пилить.

– Глупство ты речешь, воин. Колесо вертится, и жернова вертятся, потому мельница работает, а колесом бревна пилить – нет такого, не может такого быть.

– А если покажу тебе прямо здесь, что может такое быть, скинешь цену?

– Да я тебе их так отдам, если мне такое чудо покажешь!

– Ну, неси тогда сюда колесо от воза, две палки ровных, и в помощь кого-нибудь зови.

Продemonстрировав Макару Терентьевичу с помощью этого нехитрого набора элементов принципы преобразования вращательного движения в поступательное и объяснив взаимодействие частей, забрал тридцать вожделенных длинных лучковых пил, идеально подходящих для продольного распила бревен. Достал из кошелька пятьдесят монет и положил на стол.

– Это я тебе не за пилы монеты даю, а за то, что выслушал меня и согласился, спорить не стал. Редко такое увидишь. Бывай здоров, Макар Терентьевич, как используем твои пилы – за новыми приедем, нет ничего вечного на земле. А захочешь на пилы свои посмотреть – милости просим к нам в гости на следующую осень. До того времени, надеюсь, запустим колесо в работу. Ладьей до Черкасс доплывешь, там спросишь казака Богдана Шульгу. А может, и осесть у нас захочешь.

– Поздно мне уже, казак, с места срываться. Но пять сынов у меня растет, всем на одном месте тесно будет – поглядим, может, и к вам кто захочет.

– На следующую зиму приедем к тебе за пилами, заготовь нам сорок или лучше пятьдесят, лучковых, до следующего Рождества заберем.

– Чудной ты, Богдан. Другой бы такое и за сто монет никому бы не показывал, прятал бы до смерти, а ты мне монеты за пилы суешь.

– Тут ведь какая штука, Макар Терентьевич. С одной стороны, двадцать монет я выторговал, а с другой, Бог мне то открыл, не мое оно, значит, делиться должен с теми, кто поймет и кому с того толк будет. Ну, бывай, мастер, то разговор долгий, спешим мы дальше, в другой раз приеду – договорим.

– Ишь, как завернул. Доброй вам дороги, воины, даст Бог, свидимся.

За Бобруйском, по дороге в Слуцк, пошел снег, темп езды упал, нужно было вглядываться в дорогу. Легкой рысью, а кое-где шагом мы преодолели еще полдороги до Слуцка и решили переждать разыгравшуюся метель в тепле постоянного двора. Не стоит, конечно, прогибаться под изменчивый мир, но метель – это особый случай. Ее лучше не прогибать, а слушать, как она поет за окном, самому протягивая руки и ноги к горячей печке.

Да и подумать нужно основательно, как засветиться перед князем Витовтом с положительной стороны и не потерять при этом жизненно важных органов. Чем больше я над этим думал, тем меньше достойных внимания вариантов поведения оставалось. Такая легкая на первый взгляд задача при внимательном рассмотрении открыла пытливному взору много очень тяжелых и кривых деталей, которые нужно учитывать в окончательном решении. Жизнь и математика вновь демонстрировали свою коварную связь. Так и в дифуравнениях. Общее решение просто и красиво, но стоит задать жизненные краевые условия – и ты понимаешь, что твой убогий разум красоты этого решения постичь не в силах, только численными методами ты способен решение найти. И ничто тебе не поможет, только терпение и труд.

Воодушевленный таким пришедшим в голову откровением, я терпеливо и трудно перебирал варианты, пока не уловил основного алгоритма поведения с князьями. После этого все стало просто. Счастливо улыбаясь, заснул.

Глава 3, в которой описывается алгоритм поведения с князьями

Утром мы не спеша позавтракали, собрались и легкой рысью тронулись в Слуцк, до которого, по словам знающих людей, оставалось два обозных перехода. Если перевести это в систему СИ, то получалось около шестидесяти километров. Слуцк был пусть небольшим, но княжьим городом по дороге на Гродно. Если мне не изменяет память и если все произойдет как в нашей истории, именно сюда переведут через пять лет киевского князя Владимира Ольгердовича, а на его место посадят Скиргайла, у которого скоро, уже через два года, отберут титул Великого князя Литовского. Где он мыкался еще два года, пока в Киев его не перевели, не помню – наверно, на севере, в Вильно сидел, пока Витовт его не выпер.

Ягайло пытался в лице Скиргайла создать противовес влиянию Витовта в Литовском княжестве. Если на севере большинство дворянства держало сторону Витовта, то на юге Скиргайло пользовался уважением у многих князей и дворян. Несмотря на то что он всегда поддерживал Ягайлу и никогда не выступал против него, он остался православным, не перекрестился в католики после принятия Кревской унии. Правителем и полководцем он тоже был изрядным. И Витовт и крестоносцы не раз получали от него по голове. Но не вышло противовеса: через год, в одна тысяча триста девяносто шестом, преставился князь Скиргайло. Ходили упорные слухи, что отравили князя, ибо здоровья он был отменного, не болел, а помер внезапно. Даже подозрения падали на священника православного, который в тот день обедал совместно с князем, но все это слухи – что там было на самом деле, никто не знает, но в логике такой интерпретации событий не откажешь.

Чин у священника был немаленький, значит, скорее всего, он был греком, из Византии присланным, а там травить умели и делали это с огромным удовольствием. Чем его Витовт купил, в истории не упоминается, но мог банально денег дать. Подавляющее большинство присланных из гнивающей Византии духовных пастырей, где все покупалось и продавалось, отличались редким альтруизмом и душевными качествами.

Как один из вариантов изменить историю можно рассмотреть возможность сохранить сильного князя Скиргайлу на киевском стуле, избегая концентрации всей власти в руках Витовта. Если во всех этих сказках есть хоть доля правды, то предупредить отравление Скиргайла – задача в принципе выполнимая.

Уж больно неоднозначная фигура наш будущий Великий князь Витовт. Патологическая страсть к власти, беспринципность, самомнение выше облаков – это только бросающиеся в глаза черты характера будущего Великого князя. Впрочем, все они такие, да и это в данный момент неактуально, дожить нужно до тех событий, тогда и думать будем. Воистину у каждого дня достаточно своих забот.

Мы нарочно выехали на несколько часов позже, проводив с утра несколько купеческих обозов. Пусть свежий снег притопнут – вон у них сколько коней и возов: нет нам никакого смысла коней мордовать, путь прокладывать. Все равно эта доля нас не минет, обгоним обоз, а пока до встречного пробьемся, наш кусок целины нам достанется.

Снега нападало изрядно, но все бы ничего, если бы не встречались по дороге наносы до пояса и выше. Вот с ними приходилось несладко. Одно выручало: снег сухой лежал, морозец с утра держался, да кони, доставшиеся нам от ляхов, были выше и крупнее, чем наши татарские. Пуская их попеременно наперед, пусть медленно, раздвигая кучи снега, мы прокладывали путь. Ну а как пробились до встречного обоза – дальше пошли веселей и попоудни добрались в Слуцк.

Слуцк оказался небольшим городком – естественно, значительно больше Бобруйска, но заметно меньше и Киева и Чернигова. Зато аккуратней, ухоженней. Видно, что если и прошли здесь Батыевы воины, то не так, как по Киеву и по Чернигову, а может, просто каменных строений здесь не было – вот и не осталось следов разрухи: все деревянное сгорело, а на место него новое поставили. Учитывая, что данные территории больше ста лет уже в составе Литовского княжества и местность никаких особых проблем за это время не видела, было время отстроиться. До крестоносцев далеко, Орда литовцев тоже не трогала, крымчаки в этот период сюда не добежали.

В Слуцке мне необходимо было в сжатые сроки найти учителя и приобщиться к эпистолярному жанру эпохи. Сначала меня подмывало выдумывать всевозможные варианты личного контакта с князем. Но отстраненный анализ ситуации давал в результате взятие меня под стражу в любом из этих случаев – что бы я ни рассказывал и что бы ни показывал. В дальнейшем меня ждал вдумчивый и недоверчивый расспрос с использованием разнообразных спецсредств – откуда я такой умный взялся и чего еще увлекательного смогу рассказать заинтересованным слушателям.

Если засветить товарищей, то их участь еще проще: поскольку ничего интересного они выдумать не смогут – их расколот на предмет, откуда взялись у нас эти письма, и тихо удавят где-то в подвалах княжьего дворца. Как ни прокручивал и ни выкручивал в голове всевозможные ситуации и будущие реакции участников, все они заканчивались трагически.

Поняв, что в своих размышлениях начал двигаться по кругу, просто видоизменяя уже продуманные ситуации и не предлагая ничего нового, решил воспользоваться научным подходом к решению задачи.

Как поступает настоящий ученый, когда не может решить поставленной задачи? Он ее упрощает до состояния, пока она не начнет решаться. Это называется моделированием. Тут главное – не на моделировать такого, что потом в параллельных вселенных искать придется, потому что в этой такого не было, не будет, да и не надо.

Как только стало понятно, что ситуацию нужно упрощать, чтобы в ней разобраться, так сразу стало веселее жить.

Пункт первый. Чем можно смоделировать поведение князя? Мне пришла в голову, может, не самая сложная, но отвечающая реальности аналогия. Князя можно сравнить с опасным хищником, а наша стратегическая задача – сделать так, чтобы этот хищник на нас не кидался, когда появится в наших пределах.

Пункт второй. Как ты начнешь приручать опасного хищника, который находится на воле? Ясно, что не станешь пред его ясным взором с куском мяса в руке. От мяса он не откажется, но вероятность уйти после этого целым и невредимым равна нулю. Правильно будет оставить кусок мяса на его тропе, приучая его к своему запаху, который останется на мясе. Кусок мяса должен быть достаточно большим и вкусным. Это у нас есть. Те два письма, которые мы добыли, – очень вкусный и большой кусок. А моя задача была написать еще одно письмо, уже от нашего имени. Выражаясь фигурально, оставить на куске мяса наш запах.

Пункт третий. Что делать после того, как положишь кусок мяса на тропу хищника и увидишь, что он его нашел? Правильно. побыстрее делать ноги, пока любопытный зверь занят аппетитным куском и не может оторваться, чтобы лично посмотреть, кто же это его подкармливает и почему.

После того как план наших действий стал в основных чертах понятен, доложил его Ивану, который его в основном одобрил, но внес свои предложения по тому, как передать письма князю. И хотя его вариант на первый взгляд казался примитивным, в нем была та гениальная простота, которая делала этот способ передачи стопроцентно надежным. Оставалось только написать письмо. Найдя ближайший православный храм, выяснив, где живет дьякон, который, по утверждению прислужницы, был грамотным, направился прямо к нему.

Объяснив ему, что мне срочно нужно написать письмо моему атаману, попытался утащить его из дому в ближайшую корчму, где, мне казалось, условия для написания письма будут лучше и по голове не станут прыгать его многочисленные чада.

Но его благоверная широкой и высокой грудью перекрыла нам дорогу, коротко, но ясно дав понять, что она создаст все условия для плодотворной, творческой работы дома, а корчма – это не место, где пишут столь важные письма. Поскольку дьякон был незнаком с классикой, которая настойчиво рекомендует нам не спорить с женщиной, проводя сравнение этого занятия с черпанием воды решетом, он попытался стать на защиту своих прав. Поскольку основным оружием силового конфликта выступала грудь, которой каждый пытался отстоять свои права, то стоило лишь сравнить вооружение – и любому становилось ясно, что муж потерпит сокрушительное поражение. Так и случилось.

Прибрав на столе в кухне, жена усадила меня на лавку, детей отправила в комнату, а мужа – за письменными приборами. Притащив внушительную глиняную чернильницу, сухого песка, гусиных перьев, взяв у меня лист пергамента, дьякон приготовился записывать, что скажу. Перед этим мы долго ругались, потому что он настаивал, что будет писать благозвучно, а не так, как диктую, что означало: он начнет туда вставлять всевозможные обороты из церковнославянского, так что в результате читать это станет совершенно невозможно, как все дошедшие до нас рукописи. Особенно меня смешили ученые умники, утверждавшие, что так наши предки и разговаривали.

Категорически приказав ему писать то, что буду диктовать, и никаких изменений не вносить, начал выдумывать ему письмо так, чтобы оно состояло из слов и предложений, необходимых мне в дальнейшем. После того как он изрисовал буквами приблизительно треть пергамента и, все же не сдержавшись, вставил свои «паки чаю», отобрал у него под этим предлогом пергамент. Затем попытался под его чутким руководством выводить буквы гусиным пером. Поскольку учился еще в те светлые времена, когда в первом классе были уроки каллиграфии, а гусиное перо не принципиально отличалось от металлического, после нескольких посаженных клякс руки уловили правильный наклон и начали выводить буквы.

Написание букв, естественно, несколько отличалось от нашей эпохи, но отличия были несущественными, рука набилась быстро. Удивленному моими успехами дьякону объяснил, что с детства грамоте обучен, но долго в руки пера не брал, все больше саблей махать приходилось. Исписав для тренировки весь пергамент, почувствовал уверенность в завтрашнем дне. Если аккуратно выводить буковки, выйдет не хуже, чем у дьякона. Может, и сделаю пару ошибок в словах, так князь мне простит: для него главное – смысл уловить.

– А теперь, Петро, буду я начисто письмо писать. А ты, от греха подальше, пойдешь к детям посиди, потому как то, что напишу, никому знать не позволено. Женка может тут в куточке (углу) посидеть – все одно неграмотная, ничего не поймет.

Отправив перепуганного дьякона к детям, долго и тщательно писал текст письма, который уже не раз за это время повторял про себя:

«Долгие годы здравствуй, славный князь Витовт Кейстутович!

Бьет челом, долгих лет жизни и великих деяний во славу княжества Литовского желает тебе от лица Верховного атамана войска казацкого, славного князя Иллара Крученого, походный атаман Иван Товстый. Довожу до твоего ведома, славный князь, что задумал твой брат Ягайло Ольгердович вместе с ляхами и другими князьями на тебя походом идти. На светлый праздник Рождества Спаса нашего Иисуса Христа задумали они Гродно обложить, а тебя, светлый князь, полонить аль побить. Ляхов в поход выступит от пятнадцати до двадцати тысяч, и князь Дмитрий-Корибут Ольгердович еще пять тысяч конницы приведет. В доказательство слов наших передаем тебе письма, что к нам в руки попали. В них найдешь ты подтверждение сказанному.

Еще поведать тебе хотим, славный князь, что служит в нашем войске казаком младший сын безвременно замордованного ляхами холмского боярина Андрея Белостоцкого Богдан. Сей казак после смерти отца своего молчал до четырнадцати лет. Потом начал ему являться святой Илья Громовержец и в видениях ему будущее открывать. Не раз и не два подтверждались делом слова его. Было ему видение и о тебе, светлый князь. Велел ему святой Илья до тебя то видение донести, ибо от того и твоя судьба, и судьба земли нашей измениться может.

Через две зимы, считая эту, замирится с тобой Ягайло Ольгердович, посадит тебя на кресло Великого князя Литовского, что твое есть по праву. Начнешь ты землю свою обустривать. Сопутствовать тебе будет удача в делах твоих, Великий князь, много славных побед будет тобой одержано и великих дел во славу земли твоей содеяно.

Со следующей весны начнет хан Золотой Орды Тохтамыш с Кривым Тимуром воевать. Через пять зим побьет его Тимур крепко, и придет Тохтамыш с остатками войска своего к тебе, в Литовское княжество проситься. Примешь ты его, а через семь зим сам пойдешь в поход на Дон и Крым, много славных побед добудешь, вернешь Крым под руку Тохтамыша. Но недолго то продлится. Через год вернет темник Едигей Крым под руку нового хана, Тимур-Кутлука. В том же году, через восемь зим от сего дня, пошлет Господь тебе знак, что кончилась твоя удача, князь. Великий пожар случится в городе твоём Гродно, мало что уцелеет. Вспомни тогда эти слова, славный князь, ибо уже притаилась беда и точит зубы на тебя, на землю нашу.

Через девять зим, как снимут с полей урожай, соберешь ты войско великое со всей земли, пойдешь в поход на Тимур-Кутлука и Едигея. Там ждет беда тебя и всех нас, светлый князь. Если не увидим знаков тайных и явных, что будет Господь нам подавать, если заслепит гордыня глаза наши, останемся глухи мы к советам Господним, смерть ждет всех нас в тот год, и разорение страшное ждет землю нашу. Пойдет прахом все, что строили и отцы, и деды наши. Но поведал Богдану святой Илья, что можно изменить ту судьбу и обойти ту беду. В то сражение с тобой пойдет все войско казацкое, светлый князь, и обещал святой Илья Громовержец, что поведаст он тебе устами Богдана, как беду обойти, не полечь на поле брани, нас всех спасти и землю нашу.

На том заканчиваем послание наше, пребывая твоими верными слугами, и верим, что в княжестве своем примешь ты нас под свою руку. Земли, что мы у татар отняли и на них живем, за нами оставишь, города наши с другими городами земли своей в правах уравниешь. Разрешешь нам и далее землю твою от татар и прочих врагов охранять, по Днепру и морю синему ладьи водить, торговое дело в земле твоей преумножать.

Пусть пребывает с тобой Божья благодать, и пусть не оставляют тебя силы в трудах твоих.

Писано в году шесть тысяч восемьсот девяносто восьмом от Сотворения мира, в месяце листопаде, числа тридцатого. Писано писарем походного атамана Ивана Товстого казаком Богданом Шульгою».

Прочитав свой опус еще раз, оставил дьякону на столе серебряк за труды его, собрал свои пергаменты, посыпал песком, спрятал в специальный, выдолбленный из мягкого дерева тубус с крышкой – и пошел на наш постоянный двор читать товарищам, чего я сочинил. Текст уже был предварительно оговорен, от себя внес только титулы, Иллара князем обозвал, у них на Кавказе, откуда его предки родом, все князья, тут не ошибешься.

Ну а мне маменька намекнула, что в наших с Богданом жилах вполне боярская кровинка затесаться могла, грех не воспользоваться. Напиши, что с сыном кузнеца святой Илья балакает, – кому интересно, все скажут блаженный: в каждом городе возле церкви таких десятков найдешь. А если с боярским сыном разговор ведет, тут совсем другое дело, может, и скажет чего достойного для княжских ушей.

Но этого мы, естественно, товарищам зачитывать не будем. Не принято у казаков титулами предков хвастать, могут и язык отрезать или еще что, не менее важное, но разговаривать после этого точно не сможешь. Так что когда зачитывать будем, мы эти места немножко пропустим. Оставим титулы тому, кому они интересны.

Голодный, но довольный собой, зачитал товарищам наше письмо, спрятал его обратно и принялся пополнять энергетические запасы организма. Но товарищи уже насытились, им, смакующим единственную кружку пива – больше Иван не разрешал употреблять, – хотелось живого человеческого общения. Поэтому они начали приставать ко мне с различными нескромными вопросами:

– А кто ж тебя, Богдан, грамоте учил, что ты так шпарко по писаному речь ведешь?

– Я, Дмитро, как малый был, жили мы тогда в поместье боярском. Младший сын боярский погодок мой, играли всегда мы с ним вместе. Когда его грамоте учили, он меня завсегда с собой брал. С тех пор знаю, как буквы складывать. А шпарко речь вел, оттого что помню и знаю, что там писано, мне и в грамоту глядеть не надо.

– А с дьяконом что делать, который грамоту писал? Он же нас выдать может, – никак не унимался Дмитро, прирожденный подпольщик.

– Ничего он не выдаст, я его «ножом по горлу – и в колодец»⁵, – захотелось мне пошутить.

За столом стало тихо. Перед бурей так бывает: затихает все. Понимая, что мои товарищи не знакомы с классическим советским кинематографом и моя шутка не нашла своего слушателя, попытался объяснить, в чем юмор:

– Да шуткую я, казаки, вспомнился мне боярин покойный, у него такая примовка была. Его спросят, что делать будем, а он завсегда отвечал: ножом по горлу – и в колодец. Биться даже любил.

Все молча смотрели на меня, ожидая еще чего-то. Но мне непонятно было чего.

– Что вы на меня уставились, кусок в горло не лезет. Сами сытые сидите, а мне вечерять не даете, – попытался выразить свое недовольство их недоверием.

– С дьяконом что? – жестко спросил Иван, пристально глядя на меня.

– А чего с ним будет, спит дома пьяный. Он пока кувшин вина в себя не залил, писать не мог, руки трусились. А потом дело пошло. Только повторять по пять раз нужно было, ничего не помнил. Так что завтра вообще не вспомнит, о чем писал, а вы что подумали – я безвинную православную душу порешил?

– Кто тебя поймет, Богдан. Чужая душа потемки, а ты чудной, тут и не знаешь что думать.

– Ты лучше так больше не шуткуй. Ты лучше совсем не шуткуй, пока с похода не придем, дома будешь шутковать, – подвел итог нашим дебатам Иван.

Сделав вид, что обиделся, отказался от пива, молча поужинал и пошел спать. Шутка, конечно, дурацкая вышла, непонятная тем, кто кино «Джентльмены удачи» не видел. А тех, кто видел, в наличии не было.

Тут мне в голову случайно умная мысль пришла. Не может быть, что я один такой уникальный на всей планете. Для людей, знающих законы больших чисел, это было совершенно очевидно. А у меня определенные склонности к большим числам – родители, пусть земля им будет пухом, выявили еще в детстве, когда денег просил.

Пусть не из Санкт-Петербургского института нашего, но и без него людей, умирающих насильственной смертью, которые перед этим мучаются, в нашем мире хватает. Значит, может и сюда параллельно перенести. Как там профессор рассказывал: мультиплексные личности, одержимые, блаженные – вот контингент, с которым стоит пообщаться. У нас тут,

⁵ Цитата из кинофильма Александра Серого «Джентльмены удачи».

слава богу, не Европа, где их быстренько на костер или к экзорцисту, что еще хуже: на костре хоть спалят по-быстрому, а изгоняющие дьявола могут неделями мучить, пока не кончат или с ума не сведут.

Эти мысли настолько захватили меня, что начал мечтать о команде спецов во всех отраслях, которую соберу и устрою тут научно-технический переворот. С этими сладкими мечтами, столь желанными, но в которых, к сожалению, было мало реального, уснул.

Дальнейший наш путь лежал через Новогородок в Гродно. До Гродно оставалось десять обозных переходов – пять до Новогродка и пять до Гродно. Выехали мы затемно, кони были отдохнувшими, дорога утоптанна. Мы собирались максимально приблизиться за сегодняшний день к Гродно, так чтоб завтра, в пятницу, успеть на базар. Кроме всего прочего, нам нужно было продать наши остатки и новую добычу, а также разведать, есть ли Витовт в Гродно и его приблизительный распорядок дня.

Ехали мы быстро, насколько позволяли кони. У нас на пятерых оставалось семнадцать коней, семь навьючили мешками с товаром, припасов у нас не было совсем, десять были посменно под седлом. Теоретически, имея по три коня на брата, за день можно было добраться до Гродно, но кони из последнего хабара, хоть были значительно мощнее наших низкорослых татарских лошадей, но уступали им в выносливости. Да и загоняться смысла не было – нам ведь трофейный десяток коней продать еще нужно. А кто коня купит, которого от усталости шатает?

За окрестностями следили вполглаза – как объяснили опытные товарищи, засада по такой погоде практически невозможна, следы на снегу трудно спрятать, да и прятаться в зимнем лесу тяжело, издали все видно. Тут мне сложно было с ними согласиться: белые маскхалаты, лыжи и метлы – такого немудреного набора аксессуаров для меня бы было достаточно, чтобы организовать засаду, неразличимую с двадцати шагов.

По полудню добрались без происшествий до Новогродка, в корчме за городом перекусили, дали короткий отдых лошадям, полюбовались издали на массивные каменные укрепления здешнего замка. Семь башен по периметру стен были еще недостроенные, но выглядели укрепления очень солидно.

Только прибыв под эти стены, вспомнил, что этот город считается центром зарождения Литовского княжества. В нем, по преданиям, короновался лет сто пятьдесят назад знаменитый князь Миндовг. Этот городок именовали в летописях и Новогородок, и Новгород-Литовский. Местный диалект наиболее адекватно описывается как Новогородок, поляки в будущем назовут его Новогрудек. В общем, каждый называл как хотел.

Город был больше Слуцка, а каменный замок, который еще до Миндовга строить начали, но при нем достроили и значительно подняли внешние стены, даже издали смотрелся впечатляюще. Это было самое грандиозное сооружение, которое я увидел за это время. Перекусив и отдохнув, мы продолжили свой путь и до сумерек успели проскакать еще три перехода.

Совершенно измученный, не ужиная, забылся в тяжелом сне. Мне снился князь Витовт в виде огромного паука, который запутал нас в своей паутине и подбирается к нашим тушкам с целью перекусить. Почему-то он меня выбрал первым – видно, как самого молодого, – а я отчаянно пытаюсь дотянуться до своего сапога, в котором должен быть нож, но не могу. А Витовт уже открыл пасть, показывает свои ужасные клыки и пристраивается к моему нежному горлу...

Проснулся в холодном поту и с сердцем, пытающимся вылезти из груди через мое нежное и пока что целое горло. Отдышавшись, раздумывая, что это все должно значить, начал одеваться и будить остальных. Собравшись в потемках и побудив весь постоянный двор, мы еще затемно выехали за ворота и резвой рысью двинулись в сторону Гродно. Не рассказывая

своего сна, чтобы не напугать моих товарищей, решил пункт третий еще раз обдумать, дабы придать ему необратимый характер.

Товарищи и так считали весь этот поход в Гродно ненужной блажью, предлагали сразу поехать из Чернигова в Пинск. Там продать все, что у нас еще было, и поискать ватагу, которую собирают с целью ляхов пощипать. До Волыни от Пинска уже близко, у нас вроде как мир с ляхами, но любителей пограбить это никогда не останавливало.

Еле отговорил, ссылаясь то на святого Илью, то на здравый смысл. С нашей казной надо думать не о том, как ограбить кого-то, а о том, как не дать себя ограбить и монеты домой привезти. На Волынь, конечно, тянуло – агитацию на месте провести, подходы разведать к старому поместью, узнать, как там и что, с какими силами нужно выдвигаться, чтобы нового владельца прищучить, а имение отбить. Но нельзя объять необъятное. Дел полно, и лишние приключения на одно место никому не нужны, тут бы справиться с теми, что сами найдутся.

От Новогродка до Гродно нас дважды останавливали княжеские разъезды и интересовались, кто мы и куда едем. Иван грозно махал у них перед носом одним из двух деревянных тубусов с печатью Дмитрия-Корибута, реквизированных у ляхов, обзывая нас посыльными к князю Витовту, и нас немедленно отпускали дальше. Чувствовалось, что мы въехали на территорию, где с недоверием относятся к гостям, значит, столкновения со сторонниками Ягайла и Скиргайла в этом году уже были, и все готовятся к дальнейшим неприятностям.

Приехав в Гродно, мы первым делом всем караваном двинулись прямо на базар, который проходил на большой площади в Нижнем городе, прямо под холмом, на котором выселись частью каменные, частью деревянные сооружения гродненского княжеского замка. Вся плоская треугольная вершина Замкового холма, стоящего одной стороной на правом берегу Немана, а другой на берегу впадающей в Неман речушки Гродненка, была обнесена высокой деревянной стеной с пятью башнями. Частью стены, повернутой к Нижнему городу, служил сам замок. Стороны холма, повернутые к реке, были более крутыми, сторона, повернутая к городу, совсем пологая.

Неубедительная крепость. Недаром ее неоднократно брали приступом. Город оказался меньше, чем я предполагал, но все же чуть больше и Киева и Чернигова. Зато знати и богато одетых людей ходило по базару не в пример больше. Это вселяло надежду, что расторгнемся быстро. По предварительным планам, в понедельник утром мы собирались передать письма и делать ноги.

В какую сторону мы поедem, пока было неясно. По всем расспросам у купцов, с которыми мы не только вели агитрабoту, ибо это святое, но и расспрашивали всякие мелочи, выходило, что лучше всего вернуться по своим следам. Иван был против – видно, боялся, что в Чернигове мы засветились, как полный месяц, и такой красоты скоро не забудут. В любом случае до Гомеля можно было ехать смело, а там решать, как до Киева добираться.

Мне очень хотелось еще раз наведаться в Бобруйск, докупить двуручных пил для лесорубов. Пока торговался за лучковые, совсем из головы вылетело, что уже этой зимой деревья валить и заготавливать надо, а для этого совсем другие пилы нужны. Дел в селе никаких, рабочей силы навалом, а деревья уже валить можно. После середины февраля лесоповал нужно прекращать.

Устроившись на базаре, развешали на жерди почти весь свой товар, не выставляли только несколько дорогих сабель и кинжалов, доставшихся нам от ляхов, – просто не могли оценить, сколько стоят. Решили придержать, пока не увидим что-то похожее или не найдем грамотного оценщика.

Если в наших краях разнообразие монет было нормой – ходили византийские, крымские, ордынские, новгородские, рязанские монеты, – то здесь доминировал как эталон серебряной монеты пражский грош, монета чуть меньше трех с половиной граммов серебра. Все цены декларировались продавцами в грошах, а потом пересчитывались на деньги покупа-

теля. Двухсотграммовая литовская гривна шла за шестьдесят грошей, золотой талер – за тридцать. Византийский золотой – от десяти до пятнадцати грошей, в зависимости от года выпуска, а серебряные монеты сравнивались в основном по весу. Меди практически не было, она не котировалась. Ее функцию выполняли мелкие серебряные монетки, чешуйки и пьянензы. Они шли по весу, пьянензы – десять за грош, чешуйки – сколько получится.

Простая лошадь типа татарской стоила от десяти грошей и выше, мешок пшеницы можно было купить за шесть-семь пьяненз. Доспехи, которые у нас были – пять от ляхов, киевский панский и один полный татарский доспех, – местный оружейник оценил от двухсот пятидесяти до пятисот грошей каждый, в зависимости от состояния и качества. Мы на первый раз докинули еще по сотне, чтобы было что скинуть, когда начнут торговаться. Как и в Чернигове, по трофейному оружию конкурентов у нас не имелось: после осенней распутицы походов еще не было, а старые трофеи давно проданы.

После базара, довольные торговлей, пошли устраиваться на ночь. За два самых дешевых доспеха получили задаток, завтра должны были донести остальное: ушли со скидкой, по двести пятьдесят, оценены были в триста. Двух коней самых знатных продали из польской десятки, по пятьдесят серебряков, три седла с высокими луками, одежды и оружия тоже поубавилось. До постоянного двора пришлось скакать минут двадцать от базара: те, что были ближе, оказались либо заняты, либо для знати. И хоть деньги у нас были, Иван запретил туда даже заезжать, справедливо ожидая одних неприятностей от таких соседей.

В субботу целый день торговали и узнавали обстановку. Витовта в замке не было, он с какими-то гостями от крестоносцев и ближайшими боярами охотился недалеко, но, по слухам, в воскресенье должны были все вернуться в замок. Распорядок дня его тоже был всем известен. В любую погоду, если князь в замке, его день начинался с восходом солнца – тренировками вместе с ближайшей дружиной. Иван был прав – я почему-то считал князей более ленивыми. Но это еще было время, когда князь в первую очередь воин, а потом уже все остальное.

Распродались мы тоже очень хорошо – четыре доспеха продано, за два получили задаток, правда, на каждом пришлось скинуть монет по пятьдесят от оценочной стоимости. Только один из моих, татарский полный доспех, который я на спор выиграл, был как проклятый: никто на него даже не смотрел. Иван с Сулимом полдня изгалялись, рассказывая мне, что доспех порченный, надо с него порчу снимать, и какие есть надежные методы снятия порчи с неодушевленного предмета.

В конце концов мне пришлось пообещать им, что завтра пойду в церковь и принесу немного святой воды, чтоб омыть доспех. Коней польских и всю их упряжь продали, а вместо них докупили себе трех татарских коней, чтобы у каждого была заводная лошадь на обратный путь. Одежда, обувь и оружие тоже практически все продано. Оставались две украшенные дорогие сабли и два кинжала, оцененные и без особого успеха выставленные на продажу, всякие золотые перстни с камнями, медальоны с цепочками и остальной золотой хлам, которого никто у нас не искал и не спрашивал. На всякий случай мы узнали у здешних аборигенов, что они дадут за наши остатки, но никто больше чем полцены не давал.

Когда мы вечером после бани, существенно пополнив потраченные запасы калорий, обсуждали текущие планы за первой и последней кружкой пива, которую заказал каждому атаман, я предложил несколько видоизменить первоначальный план передачи писем князю. Иван предлагал в понедельник с утра, когда князь гоняет своих дружинников, просто передать письма старшему охраннику, стоящему возле ворот замка, а самим, пока суть да дело, уносить ноги. План был хорош: пока князь вчитается, пока сообразит, что откуда, нас уже след простыл. Но мог князь и повышенную реакцию проявить, да и погоню послать сразу по горячим следам.

Прикинув, что если завтра, в воскресенье, князь планирует вернуться, то сегодня охота закончилась, народ культурно отдыхает, жарит дичь, пьет вино. Завтра им там делать уже будет нечего: как проснутся, поправят здоровье – сразу домой в Гродно поедут. Появятся во второй половине дня. Как только увидим суету, а нас они не минуют, дорога к воротам через базарную площадь проходит, – пакуемся, Давид с Дмитрием и заводные потихоньку выезжают из города, легкой рысью движутся в направлении Новоградка.

Мы втроем, с Иваном и Сулимом, передаем письма старшему на воротах, даем ему пару монет, чтобы срочно нес это к князю, таинственно шепчем, что нас никто не должен видеть из гостей, просим передать князю на словах – за ответом, мол, приедем завтра с утра. А потом на «москвиче» зеленого цвета с большой скоростью движемся в сторону государственной границы. Шутка.

Народ план одобрил. Во-первых, ближе к вечеру в погоню никого не отправят. В суете после приезда пока князь разберется, что у него в руках, пока погоню наладится отправлять, время пройдет. Во-вторых, нам и легкой форы достаточно, чтобы нас никто не догнал. На стайерских дистанциях по выносливости никто с татарскими лошадами сравниться не может, так что, как поется в популярном шлягере из другого времени, «нас не догонят».

Все было оговорено, планы сверстаны, но черт меня дернул взглянуть в глаза подростка непонятного пола, одетого в юбку и подметающего лестницу на второй этаж. Большие черные глаза вобрали в себя, и уже трудно было отвести взгляд – не потому что хотелось смотреть, а потому что они насильно держали тебя, бесцеремонно ковыряясь в твоей душе. Собравшись и разорвав контакт, увидел кривую усмешку, появившуюся на ее лице.

Девчонка лет четырнадцати спрятала самодовольную ухмылку, наклонилась и продолжила подметать деревянную лестницу. Схватив ее за руку, потащил наверх по лестнице, в нашу пустую комнату. Я ушел первым из зала, остальные еще допивали пиво и разговаривали с купцами, сидевшими за соседним столом, о том, как кто живет.

– Отпусти меня, убью, – с ледяным спокойствием, чуть слышно прошипела девка.

– Не о том думаешь, дура. Слушай меня внимательно, времени у нас мало. Знахарка у нас есть, считай, не знахарка, а целая ведьма, ведунья. Жизнь она мне спасла, денег не взяла, службу загадала – ученицу ей найти. Вот и нашел я тебя. Ты сама знаешь, что это твоя судьба, в глазах твоих то написано. Думай добре: один раз в жизни такое выпадает. согласишься – Богом клянусь, помогу добраться, пальцем тебя там никто не тронет. А тут пропадешь ни за грош, никто и не вспомнит.

– Ишь, такой молодой боярин, а такой торопливый: все брось – и с ним к ведьме езжай. Такого дурного мне еще никто не говорил. И куда же ты меня забрать хочешь?

– Со мной не выйдет, мы завтра едем. Самой добираться придется. Я тебе денег дам на дорогу и расскажу, как доехать. Казаки мы, не бояре, живем на Днепре, ниже Киева.

– Так там ведь татары кругом!

– А у вас тевтоны. Хрен редьки не слаще. А путь тебе все одно туда лежит. Видно, знала Мотря, что я тебя встречу, потому и загадала мне ей ученицу найти. Некогда мне с тобой балы точить. Ты сама лучше меня знаешь, что поедешь. Видно, зовет тебя Мотря к себе, ты это сердцем чувствуешь. Ты сирота или есть у тебя кто?

– Двое братьев младших у меня, живем у тетки, она вдова, у нее своих двое, еще меньше.

– Сколько твоей тетке лет?

– Молодая она, замужем всего пять лет была, как муж помер. Три года уже, как одна живет.

– Так бери и ее с собой. Может, замуж у нас выйдет, а нет – и так проживете. Мотря поможет, твоего дохода на вас всех хватит. Научишься – отработаешь. Не бойсь, у нас с голоду никто еще не помер. А далеко отсюда ваша хата? Сам пойду с теткой твоей потол-

кую. – Похоже, что без тетки она не уедет, а тетку так просто на дорогу не подобьешь – не девчонка четырнадцатилетняя.

– Недалече, четвертая хата отсюда.

– Так бросай веник и пойдем, ты тут больше не работаешь. Думаешь, оделась как чучело, так никто на тебя не позарится? Некрасивых девок не бывает, бывает мало вина! Не слыхала такого? Завалит тебя кто-нибудь на кровать – и все. Ты либо его зарежешь и тебя повесят, либо он тебя прибьет. О том ты подумала, дура, когда сюда на работу шла?

– Ничего со мной не будет – пока не тронули и дальше не тронут. А монеты ты мне платить будешь и кормить нас всех?

– Может, и я, как знать. Сколько тебе платят?

– Две пьянензы в неделю, и харчей взять можно.

– Ага, обедков со столов никому не жалко. Вот тебе три монеты, это больше, чем ты за три месяца тут заработаешь, бросай метлу – и пойдем с теткой твоей потолкуем.

Она опять воткнула в меня свои черные пронзительные глаза, я открылся ей, чтобы она покопалась в мозгах в свое удовольствие, – интересно, что ж она там разберет? В тот же миг лицо ее начало меняться, превращаясь в уродливую старуху с кривым носом. Да, внушением это чудо природы владело в совершенстве. Я постарался изобразить в ответ дружелюбную усмешку:

– На глаз свой надеешься? Нравится мужиков пугать? То-то, я гляжу, у тебя синяк старый под глазом – еще не нагладелась в чужие глаза? Ждешь, пока тебя, как ведьму, в реку не бросят? Бога благодари, что тебе за такое просто в морду дали. Видно, купчишка тебе боязливый попался, другой прибил бы на месте.

Ничего не ответив, она, прихватив с собой метлу, молча пошла вниз по лестнице. Буркнув мне, чтобы я ждал ее на улице, побежала куда-то на кухню. Заказав жбан вина и всяких закусок, попросил, чтобы мне это все сложили в корзину, и пошел доложиться начальству:

– Иван, Сулим, помните, я рассказывал, что Мотря мне службу загадала ученицу ей найти?

– Ну и что, нашел?

– Нашел, ведьма еще та будет. Сейчас схожу к ней домой: сирота она, у тетки живет, сговорюсь – или пусть к нам едут всем скопом, или пусть девку к Мотре отпустит. Как сговорюсь, так и вернусь. Она недалече живет.

– Ты ж гляди, добре ее проверь, со всех сторон, чтобы ошибки не вышло, – посоветовал мне Сулим, вызвав дружный смех у всех, кто его слышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.